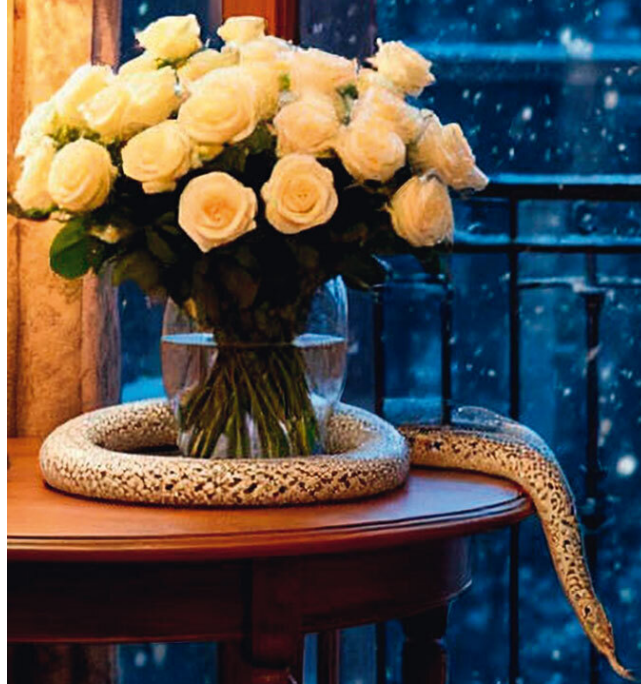

Виктория Дьякова

ЛЕДЯНОЙ ЗМЕЙ

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Леди-детектив (Вече)

Виктория Дьякова

Ледяной змей

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

Дьякова В. Б.

Ледяной змей / В. Б. Дьякова — «ВЕЧЕ», 2026 — (Леди-детектив (Вече))

ISBN 978-5-4484-5891-0

Когда известная телеведущая Ника Королева выпала из окна своей квартиры и разбилась насмерть, никто не заподозрил преступления. Полиция пришла к выводу, что это самоубийство. Только лучшая подруга Ники не смирилась с таким итогом и обратилась в детективное агентство «Гелла», чтобы провести независимое расследование. Частный сыщик Анна Снегирева и ее помощник Максим Ващенко берутся за изучение мира, в котором жила погибшая молодая женщина. Все обстоятельства указывают на то, что Нику убил ее возлюбленный, известный шоумен Вадим Красовский. В этом уверена и пресса, но Анна понимает, что Красовский тут ни при чем. Небольшой факт, упущенный полицейскими, вынуждает ее и Максима вступить в схватку не только с хладнокровными и расчетливыми убийцами в человеческом обличье, но и с настоящим исчадием ада, мощным, опасным и... ядовитым противником.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5891-0

© Дьякова В. Б., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Пролог	6
Часть 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Виктория Борисовна Дьякова Ледяной змей

© Дьякова В.Б., 2026

© ООО «Издательство „Вече“», оформление, 2026

* * *

Пилат, видя, что ничто не помогает...взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: «Невиновен я в крови Праведника Сего».
Евангелие от Матфея. 27:24

Пролог

Самым радостным воспоминанием ее детства был светло-серый лабрадор по кличке Гриша. Он первым подбежал к ней, весело помахивая хвостом, когда она испуганной пятилетней девочкой впервые переступила порог своего нового дома – трехкомнатной квартиры на шестом этаже длинного кирпичного дома, построенного еще в советское время по экспериментальному проекту какого-то архитектора.

Он сразу принял ее, обнюхав, и уткнулся ей в колени прохладным черным носом. Девочка робко погладила его жестковатую шерсть между ушами. Гришу совершенно не смущало, что кожа на руке его новой подруги была не светлого цвета, как у его хозяев, а коричневатой с золотистым оттенком. Ведь, как непрестанно твердила вечно всем недовольная уборщица в детском доме тетя Нюра, начиная с раннего утра выложенные бордовым кафелем полы лысой по краям шваброй: «Папаша-то твой был такая головешка, черный, а мать – алкоголичка, так что с тебя взять-то?!»

Другие дети, их было трое у приемных родителей, – два мальчика и девочка, – смотрели на нее явно озадаченно, как будто прикидывали, насколько теперь, с появлением этой «черной», ухудшится их положение и как сделать так, чтобы хуже стало ей, а не им. Но Гриша ничего не прикидывал, он искренне, от всего своего собачьего сердца ликовал, что у него появилась новая подруга, и теперь станет еще веселее.

Приемные родители – властная мать и измученный вечным безденежьем отец – постоянной работы не имели. Жили на социальные пособия, что полагалось от государства за детей, и временные подработки. Своих детей у них было двое – два мальчика, а девочки – удочеренные. Когда-то, как говорили, у отца был бизнес, и на заработанные деньги семья приобрела эту квартиру. Но потом все прогорело, а нового прибыльного дела устроить не удалось.

В тесной детской царил напряженный, даже враждебный, обстановку. Конкурировали за все – за ручки, карандаши, не говоря уже о чем-то более серьезном. Доставалось и Грише. Братья и сестра не могли простить ему, что именно ее он любил больше остальных и открыто выражал свою привязанность.

Летом, закрывшись на балконе, они частенько сидели вдвоем и смотрели, как отец удит рыбу на речке, протекавшей неподалеку. Этих тощих плотвичек и окуньков, поджаренных или сваренных в жидком супе, им предстояло есть на обед.

Когда она стала постарше и ей разрешили гулять с Гришей, они подолгу бродили по округе, сидели у речки, играли в мяч. Гриша всегда провожал ее до двери, когда она уходила в школу, и встречал. Они были почти ровесники, но она не понимала, как коротка собачья жизнь по сравнению с ее собственной.

Когда ей исполнилось тринадцать лет, а Грише четырнадцать, ее лучший друг заболел. У родителей не было денег на ветеринара. Гриша лежал в коридоре – он уже не мог встать. Она ухаживала за ним, стараясь не отчаиваться. Она не верила, что он уйдет, по-детски еще не осознавая неизбежность смерти. Она умоляла родителей хоть что-то сделать. Но мать только раздраженно отмахивалась, отец же виновато отводил глаза, гладил ее по голове и, по обыкновению, молчал. Он тоже любил Гришу и, конечно, понимал то, что она не понимала.

Братья и сестра ехидничали с беспощадностью, свойственной подросткам, что скоро она останется одна и «ее теленок сдохнет», забыв напрочь, что когда-то, когда Гриша был еще щенком, у родителей был бизнес и деньги, они наперегонки меняли его «детские» пеленки и спорили, кто первым поведет любимца на прогулку.

Теперь же они безжалостно пинали дряблое тело старой собаки – у Гриши отказали задние ноги. А она терпеливо, вытирая слезы, одна меняла тряпки, на которых он лежал, – на пеленки мать денег не дала, убирала рвоту, с ложки кормила бульоном с мелко покрошенной

рыбой – собственный обед, и, усевшись на пол и положив голову умирающей собаки себе на колени, рассказывала Грише, как он поправится и они обязательно будут гулять у речки. И сама верила, верила, что так и будет. Но Гриша умер. Правда, как будто в благодарность ей, он ушел тихо, не потревожив ее, когда она задремала на стуле под утро после бессонной ночи – точно заснул навсегда. Она же, проснувшись, трясла его уже безжизненное тело, кричала и плакала, не в силах смириться с постигшим ее горем.

Отец, не выдержав, схватил ее в охапку, прижал к себе, едва ли не впервые за все годы их совместной жизни, показав открыто, что она ему небезразлична. Вместе они плакали. А потом отец пошел в машину, принес старый плед, которым закрывали сиденья, завернул в него тело Гриши, и они вдвоем отвезли мертвую собаку в лес, где похоронили. Мать кричала вдогонку, что плед еще пригодится. Но отец не послушал ее, чуть ли тоже не в первый раз на ее памяти. Они долго сидели вдвоем у свежей могилки. Отец молча курил. Она плакала. Потом он положил ей руку на плечо и негромко сказал;

– Прости, я не смогу купить другого щенка. Ты знаешь, они дорого стоят. Но ты хорошо танцуешь. Когда-нибудь ты купишь себе такую собаку. И тогда Гриша вернется к тебе. Он снова будет рядом. Не плачь.

Нельзя сказать, что родители относились к ней плохо – вовсе нет. Кормили, одевали, насколько позволяли их доходы. Проверяли уроки. Водили в кружки в Доме детского творчества – правда, если они были бесплатные. Именно там ее увидела преподаватель танцев Алла Белякова и пригласила к себе в группу. Бывшую балерину Мариинского театра привлекли тоненькая фигурка чернокожей девочки и ее грациозная походка, похожая на неторопливые движения хищника в джунглях. Кружок был платный. Мать сразу сказала учительнице, что платить нечем, мол, еле-еле сводим концы с концами. «Пусть ходит так, – согласилась Белякова, – бесплатно. У ребенка большой потенциал».

О! Это были самые счастливые дни недели – вторник и пятница, – когда она приходила на занятия к Беляковой. И пусть ее балетную пачку мать сшила ночью из старой тюлевой занавески и она заметно отличалась от щегольских обновок ее согруппниц, пусть балетные туфельки были потертые – Белякова одолжила их для нее у какой-то своей знакомой, танцевала она лучше всех. И души не чаяла в преподавательнице. Другие девочки на нее злились, ревновали. Они говорили о Беляковой, что та и сама не умеет толком танцевать, что за годы, проведенные в Мариинском театре, ее лучшая роль – это партия старшей Мыши в «Щелкунчике» – видимо, повторяли то, что дома на кухне говорили родители, – но она им не верила.

Время показало, что она была права. Именно Белякова после нескольких лет занятий, решив, что сама уже больше ничего не может дать воспитаннице, рекомендовала ее своей подруге, возглавлявшей известный в городе профессиональный танцевальный коллектив. А там на одном из выступлений ее увидел Вадик Красовский – хозяин модельного агентства. И пригласил к себе работать. С первых гонораров она сняла себе квартиру и съехала от родителей. И конечно, купила щенка лабрадора – как мечтала. Она назвала его Гришей. Хотя ей и говорили, что нельзя называть новую собаку именем умершей. Она не верила в приметы. Она очень хотела, чтобы Гриша снова был с ней.

Когда она упала на асфальт, перевернувшись через низкую решетку, огораживающую балкон в ее квартире на восьмом этаже в элитном комплексе в центре Петербурга, она еще несколько секунд видела над собой небо, ставшее вдруг темно-синим, как чернила в гелевой ручке у ее соседки по парте, которой она так завидовала в детстве. Она еще слышала испуганный женский крик где-то наверху – это выглянула в окно на шум какая-то жительница с этажей пониже. Большая светлая собака, наклонившись, приблизила свою морду к ее лицу – она заслонила собой все, только кусочек голубоватого облака можно было различить за ее крупным телом. Ей показалось, она чувствует ее дыхание на своем лице. Был ли это ее новый пито-

мец, выбежавший из квартиры к упавшей хозяйке, или ее старый друг Гриша, спустившийся с радуги, она понять не успела – все померкло.

Она не видела, как к дому с сиреной примчалась скорая, а за ней несколько полицейских машин. Полицейские оцепили место происшествия, не пуская слетевшихся, точно рой мух, фотокорреспондентов с длинноносими камерами на изготровку. Они громко переговаривались, в возгласах явно слышалось разочарование – снимать толком было нечего. Полицейские поставили над телом погибшей палатку, в ней работали эксперты. Так что репортерам оставалось только время от времени лениво щелкать фотоаппаратами, снимая то вход в жилой дом, то балкон восьмого этажа, откуда упало тело.

За плотной толпой репортеров стояли белые фургоны с огромными спутниковыми тарелками на крышах. Журналисты что-то без умолку сообщали в эфир, рядом виднелись фигуры звукооператоров в наушниках и с сосредоточенными лицами. Ночью похолодало. Шел снег.

Репортеры притоптывали ногами и согревали руки о горячие кофейники, доставленные сообразительными предпринимателями из кафе на углу улицы. Операторы то наводили камеры на толпу зевак, то снимали балкон, с которого произошло падение, то, найдя подходящую точку, фотографировали общий кадр того хаоса, который воцарился теперь на заснеженном Английском проспекте.

Перед домом номер двадцать четыре была натянута лента ограждения. За широкими окнами ярко освещенного вестибюля мелькали люди в полицейской форме. Новость быстро разлетелась по городу, подхваченная телевидением и соцсетями, – к месту происшествия начали стекаться зеваки. Любопытные толпились с обоих концов проспекта, отесняемые полицейскими. Кто-то специально пришел поглазеть. Кто-то задержался по пути на работу. Прохожие делали снимки на мобильные телефоны. Не зная, с какого точно балкона упала телевизионная дива, фотографировали все подряд – наудачу. Появились и заплаканные поклонницы с цветами. Полицейские в замешательстве принимали у них букеты и складывали на заднем сиденье микроавтобуса.

Корреспонденты телеканалов неумолчно комментировали происходящее. Не имея фактов, они выдвигали собственные версии, чтобы занять эфир, пока прояснится что-то реальное.

– Известная солистка балета... телеведущая... фотомодел... Ника Королева... со своего балкона... около пяти часов утра! – кричал в большой рыжий микрофон здоровенный детина в зеленой куртке с логотипом НТВ. В пылу репортажа он даже не заметил, что вязаная шапочка свалилась с его коротко стриженной головы и, зацепившись за кнопку капюшона, раскачивалась при каждом движении. – Полицию вызвала соседка. Тело до сих пор не увезли, что наводит на мысль... Не сообщается, был ли кто-либо поблизости, когда она упала. Несколько бригад сотрудников правоохранительных органов работают сейчас в доме...

В палатке разливался холодный голубоватый свет. Два криминалиста опустили на корточки возле трупа молодой женщины – они наконец-то получили разрешение уложить его в эвакуационный мешок. Когда голову приподняли, на снегу осталось пятно крови. Лицо было разбито и превратилось в сплошной отек. Один глаз полностью заплыл. Другой проглядывал красноватой полоской сквозь набухшие веки. Расшитый блестками топ искрился от малейшего мерцания лампы. Это создавало жуткое впечатление, что погибшая все еще шевелится.

– Черт возьми! Сколько еще ждать эту труповозку? – Дежурный следователь РОВД Адмиралтейского района Михаил Зайцев недовольно поморщился. – Уже ноги окоченели. Торчим тут уж лишний час без дела.

– Товарищ майор, позвонили, едут. – В палатку заглянул местный участковый, также прибывший на место происшествия. Он все еще прижимал смартфон к уху. – Через пару минут будут.

– Хорошо, – кивнул Зайцев. – Скажи, чтобы обеспечили проезд.

– Слушаюсь.

– Вот что не живется, не понимаю. – Застегнув молнию на мешке, судмедэксперт Ананьев распрямился. – Молодая, красивая, вся страна знает. В телеке два шоу ведет. На сцене выступает. От мужиков отбоя нет. Деньги опять же... Нам бы так.

– А ты все со своей ипотекой ноешь? – усмехнулся Зайцев. – Говорили, не бери. Что вешать хомут на шею?

– Да мочи нет, эту тещу терпеть. – Ананьев махнул рукой. – На любые проценты подпишешься, лишь бы от нее поскорее съехать.

– Ну, что скажешь? Убийство? – Зайцев перевел взгляд на застегнутый мешок. – Или сама сиганула?

– Сам знаешь, точно только после подробной экспертизы в морге, – ответил Ананьев, снимая резиновые перчатки. – Так по первому осмотру – никаких следов насилия нет.

– Соседка утверждает, что слышала шум ссоры перед падением, – задумчиво произнес Зайцев. – Но признаков присутствия второго лица в квартире мы не обнаружили.

– Говорят, она в последнее время со своим бойфрендом не ладила, – вспомнил Ананьев. – Моя Мила, она все эти программы смотрит, про звезд, вот там рассказывали.

– Проверим, – кивнул Зайцев скупно. – Хотя таким источникам, как всякие там шоу, доверять не стоит, сам знаешь. Бабские сплетни. За бойфрендом послали? Еще родственники есть? – обернувшись, спросил помощника.

– Так точно, товарищ майор. За Красовским поехали на дачу. Про родственников выясняем.

– Вони будет по телевизору! – Зайцев безнадежно махнул рукой. – Обмажут так – не отмоемся.

– Товарищ майор, приехали! – В палатку снова заскочил участковый. В открывшемся проеме виднелась санитарная машина.

– Отлично, – обрадовался Зайцев. – Увозите. И сворачиваемся здесь, поживее! – приказал помощнику.

История о неожиданной смерти «звезды» какое-то время активно раскручивалась «желтой» прессой, ей уделили внимание и на главных телеканалах. Она даже на денек-другой заслонила собой политические коллизии, обстрелы в горячих точках. Каждая новая версия происшествия сопровождалась фотографиями безупречного лица погибшей, цвета молочного шоколада, с яркими темно-коричневыми глазами и пухлыми алыми губами, ее гибкой, точеной фигуры, обьятой прозрачными облаками черного или белого гипюра.

На все лады смаковали подробности скандала с предпринимателем Красовским, какие-то тайные поездки, о которых рассказали коллеги погибшей, подслушанные соседкой крики в квартире.

Спасаясь от репортеров, Красовский срочно лег на обследование в частную клинику. Полиция, по обыкновению, хранила молчание. Журналисты, как утверждалось, установили всех, кто в тот роковой вечер 8 февраля общался с погибшей. Материала хватило на десятки газетных и интернет-колонок, на многочасовые выпуски программ, где выражали соболезнования все, кто знал и кто не знал, но хотел примазаться. Соседка фотомодели, слышавшая крики перед падением, – балетный репетитор Мариинского театра, – даже прославилась. Ее фотографии появлялись в студиях на больших экранах рядом с портретами жертвы. И сама много и подробно рассказывала, как все было, старательно меняя наряды и украшения.

Но вдруг все стихло. И под едва ли не явственный стон всеобщего разочарования выяснилось, что свидетельница... солгала. После чего тоже срочно сказала больно и отправилась на лечение в какой-то отдаленный санаторий. А Красовский, напротив, перестал прятаться и активно раздавал интервью, рассказывая, как его несчастная возлюбленная боролась с зависимостью, но не справилась и... Мол, сами видите.

Следствие пришло к выводу, что произошло самоубийство. Пресса снова оживилась. История как будто обрела второе дыхание. Теперь бывшие знакомые и незнакомые наперебой обсуждали неуравновешенный характер погибшей, что она «звездила» и водила знакомства с подозрительными типами, которые снабжали ее наркотиками, вела беспорядочный образ жизни, что окончательно разрушило ее и без того хрупкую личность. Одним словом, история – в назидание другим. Как не надо задаваться – кончается плохо.

В конце концов ажиотаж пошел на убыль. И даже НТВ больше нечего было сообщить, кроме того, что все уже сказано.

Она же... Она ничего не слышала из того, что происходило. И ей было абсолютно наплевать на Красовского, на соседку по дому – на всех! Она шла по радуге, улыбаясь ослепительному свету, который сиял впереди, а рядом с ней бежал ее любимый лабрадор Гриша. Они снова были вместе. Все было так, как она хотела.

Часть 1

Настырная синица все барабанила и барабанила клювом в окно.

– Вот, посмотри на нее, Томас.

Аня оторвала голову от подушки и повернулась к овчарке, тихо лежавшей рядом с диваном.

– Третий раз кормушку насыпаю, а ей все мало.

Томас пошевелил ухом, точно соглашаясь. Аня опустила руку и погладила его морду.

– Мама приучила их, вот они и повадились. Хорошо еще, что эти, наверху, сегодня не сверлят, – продолжила Аня, вздохнув. – Наверное, деньги закончились.

На прошлой неделе очень некстати, – а когда болезнь бывает кстати? – Аня подхватила грипп. В субботу, вернувшись из офиса, она почувствовала необъяснимую тяжесть во всем теле. Было трудно даже чайник поставить на плиту.

Преодолевая слабость, она вывела Томаса на короткую прогулку и легла – к ночи поднялась температура. Все воскресенье Аня пила жаропонижающие в надежде, что в понедельник выйдет на работу. В магазин не ездила – заказала еду на дом.

На начало недели у нее было запланировано несколько встреч, которые вполне могли вылиться в контракт, а значит – в будущий доход. После громкого дела Лозовского, когда о ней и ее агентстве «Гелла» рассказали по телевизору, а несколько притких корреспондентов даже взяли у нее интервью, дела немного наладились, клиент, как выражалась одна из страховщиц, снимавшая офис напротив, что называется, «пошел», жить стало проще.

Но теперь работала она не одна. Она пригласила к себе в помощники Максима Ващенко, бывшего десантника, сыгравшего главную роль в разоблачении преступной парочки Лозовских. Работать вдвоем стало намного легче, но и бухгалтерию теперь приходилось рассчитывать на двоих. Тем более что Максим продал квартиру в Зеленогорске, где жил прежде с женой Машей, ставшей жертвой Лозовских, и перебрался в Сестрорецк, в тот же дом, где жила и Аня. И даже в тот же подъезд – только на самый верхний этаж. Купил однушку бывшей продавщицы кондитерского магазина тети Поли, к которой Аня в детстве частенько бегала за мороженым. Теперь тетя Поля состарилась и решила перебраться поближе к сыну. Тот женился и обосновался у жены где-то в Орехово. Правда, Максиму пришлось взять кредит, денег от продажи его «старушки» не хватило.

Одним словом, в понедельник Аня в офис не поехала. Температура периодически поднималась. Пришлось вызвать врача – больничный-то нужен. Явилась участковая – она лечила не то что Аню, когда та была студенткой, но еще Анину маму, скорее всего, до замужества. Толку с этой вечно недовольной жизнью Антонины Петровны никогда не было. Еще Анина мама жаловалась, что, сколько она ни обращалась к ней, она ни разу не прописала ей дельного лекарства. Зато знала все сплетни в округе и вечно жаловалась на безденежье, хотя муж у нее был бывшим военным и получал хорошую пенсию, а кроме того, постоянно заседал в местном муниципальном совете.

– Что, заболели?

Войдя в квартиру, докторша плюхнула сумку с продуктами на стул. В Анин дом она всегда заходила по дороге домой, так как жила на соседней улице, предварительно закупив все необходимое. И на этот раз Антонина Петровна себе не изменила. Время близилось к обеденному, обход заканчивался. Она шла домой кормить мужа. И в сумке у нее виднелись батон, нарезка колбасы, две пачки творога и что-то еще.

– Заболела, – подтвердила Аня. «Иначе зачем мне вызывать врача?» – подумала она. Но докторшу ее ответ не интересовал. Она прошла в комнату, осматриваясь.

– Вы теперь здесь живете? Понятно, понятно. А собаку уберите. – Она увидела Томаса. – Я и маме вашей говорила, я собак боюсь.

– Томас, посиди на кухне, – негромко сказала Аня, и овчарка послушно удалилась.

– Какой умный, – удивилась Антонина Петровна. – Ну, что? – Она подошла к Ане почти вплотную. – Показывайте.

– Что показывать? – Аня даже слегка растерялась под ее напором.

– Горло показывайте. Ложка есть? Впрочем, я и так вижу – красное. Поворачивайтесь.

Достав стетоскоп, Антонина Петровна послушала дыхание.

– Температура когда поднялась? – спросила она, снова засовывая стетоскоп в карман.

– В субботу, вечером, – ответила Аня, пожав плечами. – До этого все хорошо было.

– Это ясно. – Антонина Петровна махнула рукой. – Всегда все бывает хорошо, пока что-то не случается. Это вирус, – объявила она и, присев за стол, начала что-то писать на бумажке. – Вот, купите в аптеке. Как принимать, написала. Больничный открою, через пять дней – ко мне. Так, выход где? – Она быстро собралась.

– Сюда, пожалуйста. – Аня проводила докторшу в коридор.

– Собака не укусит?

– Нет, ни в коем случае, он закрыт на кухне.

– А ремонт не собираетесь делать? – поинтересовалась Антонина Петровна, одеваясь. – А то вон потолок облупился.

– Собираюсь, – ответила Аня сдержанно. – Но пока еще не решила когда.

– Ясно. Ну, поправляйтесь!

Антонина Петровна схватила сумку с продуктами со стула и удалилась. Аня с облегчением закрыла за ней дверь.

Итак, все планы пришлось пересмотреть, а срочные дела взвалить на Максима. Аня приготовилась пару дней расслабиться дома – надо же когда-то и отдых себе позволить, тем более что организм сам потребовал. Но не тут-то было. Во вторник, утром, сосед затеял ремонт. Этого дядю Жору этажом выше Аня тоже знала с детства. И если дядя Жора начал что-то сверлить, можно было быть уверенным, что быстро он не закончит. Ремонт дядя Жора делал столько лет, сколько Аня была с ним знакома. Редко какой праздник или выходные проходили без того, чтобы дядя Жора что-то не подправлял в своей квартире или в машине, которая стояла на площадке под окном. Под ней он тоже мог лежать часами и стучать, стучать гаечным ключом. «Странно, что в будни занялся, – подумала Аня обреченно. – Наверное, тоже взял больничный. Или отгулы».

Странно, сегодня, – а уже наступил четверг, – дядя Жора хранил молчание, а время близилось к полудню.

– Никак на работу вызвали? – удивилась Аня. – Может быть, мы без него сегодня отдохнем, Томас?

Мелодией из вступления к опере «Кармен» о себе напомнил смартфон. Аня взяла аппарат – Макс.

– Слушаю, привет!

– Ого, у тебя сегодня тихо. – Максим сразу заметил изменения. – Сосед заткнулся наконец-то?

– Да, даже радоваться боюсь, – ответила Аня. – Как бы не на процедуры какие отправился с утра. Не дай бог, в обед появится. Как там у нас? – спросила, усаживаясь поближе к окну.

– Да нормально. – Максим ответил уверенно. – С бухгалтершей я переговорил. С этой сумасшедшей Красиковой, женой ресторатора, встретился. Дал ей полный отчет о том, как проводит время ее супруг. Что никакой любовницы у него не наблюдается, но подсел на картишки. Она даже вроде обрадовалась. Говорит, это лучше, чем баба. Не знаю. – Максим присвистнул. – Но это ее дело. Как спустит все денежки, она по-другому запоет. Но пока не бес-

покоится. Обещала сегодня, к вечеру, окончательный расчет скинуть. Я прослежу. Напомню, если что.

– Отлично. Тогда надо сразу за аренду перевести на следующий месяц, – решила Аня. – Мало ли как дела пойдут.

– Ну, мелкий клиент всегда найдется, как я понимаю. После дела Лозовского узнали про нас.

– Как узнали, так быстро и забудут, обольщаться не стоит, – предупредила Аня.

– Это я понимаю, – согласился Максим. – Так, чего звоню-то. Тут явилась с утра одна особа, – сообщил он слегка растерянно. – Расфуфыренная, в леопардовой шубе до пят. Ростом метра два – громила такая. Жалко, что тебя не было. Я не мастер с такими разговаривать.

– Интересно, и что хотела?

– Хотела с тобой поговорить. По тому делу, актрисы Ники Королевой, помнишь? Которая с балкона на Английском проспекте то ли сама упала, то ли выбросили ее. Говорит, ближайшая подруга ее. С детского дома знакомы. Последние годы очень близки были. Как ее имя-то, сейчас, я записал. – Максим сделал паузу. – Вот. Виолетта Барановская. Ясно? Как в детский дом с такими именами и фамилиями попадают – ума не приложу.

– Наверняка псевдоним, как и у Королевой. Для выступлений, – сразу догадалась Аня. – Та-то на самом деле Дерябина по приемным родителям. Вероника Дерябина. А что она хотела, эта Барановская? – продолжила заинтересованно – Насколько я помню, Королева все-таки покончила с собой на фоне приема запрещенных препаратов. Во всяком случае, к такому выводу пришло следствие.

– Говорит, что не верит в самоубийство. Не такова, говорит, была Ника, чтобы с балкона прыгать из-за какой-то ерунды. А никаких серьезных поводов покончить с собой у нее точно не было. И запрещенных препаратов она не принимала, ей, говорит, подкинули. Она, мол, закаленная была, жизнь прошла сложную, не истеричка изнеженная. Сама кому хочешь в ухо даст. Так и выразилась. Одним словом, хочет, чтобы мы снова все расследовали. По оплате, сказала, не вопрос. Любая сумма. Деньги у нее есть. Сразу, сказала, аванс даст – на все.

– Так, так. – Аня даже встала с дивана. – И как вы с ней договорились?

– Я ей сказал, что частный детектив – ты, и ты – на больничном. Я – только помощник. Взял у нее все координаты. Обещал все тебе доложить и сообщить, когда ты сможешь с ней встретиться. Вот, докладываю.

– Так, звони ей и скажи, я завтра жду ее в любое удобное для нее время, – решительно произнесла Аня. – Такие дела на дороге не валяются. И клиенты тоже.

– А как же ты с гриппом-то? – спросил Максим недоверчиво.

– У меня уже почти прошло все, – заверила его Аня. – У нас такая участковая врачиха – миг вылечит одним своим появлением. С ней раз пообщаешься – больше обращаться не захочешь, сразу здоровый будешь. Имей в виду. Не болей.

– Понял.

– Так что вызывай Барановскую и бланк договора подготовь, ну, основу. Сумму и реквизиты потом впишем. Кстати, тьфу, забыла сказать, у меня сегодня что-то мой полик перестал заводиться. Посмотришь вечером?

– Небось опять прогревала? – догадался Максим. – Чего прогревать-то? Всего минус восемь. Аккумулятор почти новый. Второй год стоит. Скорей всего, на газ нажала, бензин на свечи попал. Чего машину калечить?

– Папа всегда прогревал в морозы, – заметила Аня.

– Так то в морозы! – Максим сделал паузу. – Минус пятнадцать, как минимум. И что прогревал? Какую машину? Жигуль наверняка. Так там не то что прогревать, еще кирпичом стукнуть надо, он все равно не поедет. А у тебя немецкий аппарат, хоть и нашей сборки. Это

же совсем другое дело. Ладно, вечером прочищу, посмотрю, что там и как. Ну, так я звоню Барановской, договариваюсь? – уточнил он.

– Звони, – подтвердила Аня. – А потом – сразу мне. Я на связи.

Закончив разговор, Аня посмотрела на Томаса.

– Итак, приятель. У нас намечается что-то интересненькое. Ника Королева... Ника Королева. Надо почитать, что писали по этому делу, чтобы быть готовой к разговору. Сейчас заварим кофе. Пошли на кухню.

Взяв ноутбук, Аня встала с дивана и, подойдя к окну, открыла форточку.

– Пусть проветрится. Синицы-разбойницы улетели. Поняли, что больше им не отломится вкусненького до завтра.

Снова зазвонил телефон. Аня посмотрела на дисплей.

– Ага, Суворов, – кивнула она. – Ты-то мне как раз очень нужен. Странно только, что я тебе вдруг понадобилась.

– Слава, слушаю, привет, – сказала она бывшему сокурснику, направляясь к плите. – Не поверишь, я только что о тебе думала.

– Привет! Значит, прочитал твои мысли. – Суворов подхватил ее слегка ироничный тон. – Тебе теперь просто так и не позвонишь. Ты у нас – знаменитость. После дела Лозовских. Не поверишь, даже до Москвы дошло. Твой бывший Ефремов тут по старым связям интересовался, а что, мол, в самом деле Снегирева такое запутанное дело раскрыла? Очень был удивлен.

– Я не знаю, я его заблокировала по всем каналам, – призналась Аня, засыпая кофе в кофеварку. – И на телефоне, и на электронной почте. А тащиться в Питер на «Сапсане», чтобы выяснять что-то о какой-то Снегиревой – ну, Ефремов слишком важный барин для этого.

– Тут ты права, – согласился Суворов. – Слушай, ты сейчас в офисе?

– Нет, Слав, дома. – Аня включила кофеварку и села за стол, Томас расположился рядом. – Гриппую. Но завтра буду обязательно. У меня очень важная встреча предполагается.

– Ясно. Я это... – Суворов сделал паузу. – Одного человечка хотел к тебе прислать.

– Какого человечка? – Аня насторожилась.

– Понимаешь, у нашего зама, у Кочина, ну, ты в курсе, племянница имеется. Юлечка Калмыкова. Дочка его сестры. Так вот она сейчас на втором курсе в полицейском колледже. Учится на следователя. Мечтает стать новой мисс Марпл. – Суворов усмехнулся. – Родители были против. Единственная дочь. Мало ли что и как. Но она упертая. После колледжа в университет МВД собралась. В общем – планы наполеоновские. Генералом себя видит. Как дядя. Пока. Пока не попробовала все на практике. Родители очень надеются, что, как только она в реальности столкнется с деталями профессии, передумает. Но пока ей практику пройти надо. У них по плану учебному положено. Ну, папочка с мамочкой боятся куда-то на серьезные дела отправлять, да и кто возьмет генеральскую племянницу? Кому нужна такая головная боль? Отвечай за нее. Ну вот, Кочин меня приватно попросил, мол, у тебя там знакомая была, опять же по делу Лозовского знает, может, возьмет к себе на месяц бумажки перекладывать? Ну а мы с нашей стороны – всяческое содействие.

– Мне твое содействие сейчас очень надо. – Аня налила кофе в чашку. – Знаешь, что вот только перед тобой мне сообщил Ващенко? К нам, оказывается, приходила сегодня лучшая подруга погибшей Королевой, в курсе? Говорит, не покончила она с собой, убили ее. Хочет новое расследование. Я вот завтра с ней встречаюсь. Я надеюсь. Ты знаешь, кто там вел дело? Устроишь с ним поговорить? Ну, если она договор подпишет, конечно.

– Дело Королевой? Это той, которая с восьмого этажа свалилась? Мулатка. А что? Там местные из Адмиралтейского района все расследовали. – В голосе Суворова прозвучало недоумение. – Отчетик составили. Самоубийство. А что, новые обстоятельства вскрылись?

– Пока не знаю, – честно ответила Аня. – Завтра буду знать. Но не исключено, что так. Проглядели что-то эти местные. По домам торопились, наверное. Но это не точно.

– Там Зайцев Мишка дежурил в тот день, – вспомнил Суворов. – Я знаю. Пересекались. Но он парень дотошный, вряд ли проморгал.

– Устроишь с ним разговор, если попрошу?

– Не проблема. Сделаю, – согласился Суворов. – Но в рамках, как ты понимаешь.

– Да уж не учи!

– А как с Калмыковой? Присылать ее к тебе? – Славка снова вернулся к своей теме.

– Присылай, – согласилась Аня. – Куда же я теперь денусь?

– Отлично! – Суворов явно обрадовался. – Ну, ты там с ней помягче, – посоветовал он. – Особо не нагружай. Родители с нее пылинки сдувают. И дядечка тоже.

– Какой же она следователь, если с нее пылинки сдувают? – удивилась Аня.

– Ну, они надеются, что это все у нее по молодости, мечты такие. Выйдет замуж – образумится, сама все бросит. Будет детишек растить на даче. Но это все не наше дело, – заключил он. – Нам главное, чтобы начальство было довольно. Ну а мы от этого свои преимущества поимели, верно же?

– Согласна, – вздохнула Аня.

– Ну, жди ее завтра. Расскажешь потом, как и что, – весело заключил Славка. – А заодно и про новые обстоятельства в деле этой Королевой. Очень интересно.

– Договорились.

– Бывай!

– Бывай. – Аня завершила разговор и положила айфон на стол. Отпила кофе из чашки.

– А вот только этого нам еще и не хватало, Томас, – сообщила она собаке. – Генеральских племянниц на шее. Но с другой стороны, это означает, что нас признали. – Она потрепала шерсть собаки между ушами. – Если нам теперь что-то понадобится, не отвертятся. Придется содействовать. Надо позвонить Максиму, чтобы он был в курсе, – решила она и снова взяла телефон. – Он сейчас упадет со стула. Это абсолютно точно, Томас.

– С Никой мы были вместе в детском доме. Детский дом № 13 в поселке Репино. Жили в одной комнате. Вместе с нами жили еще три девочки. Но с ними как-то отношения не сложились. А с Никой мы сдружились.

Фотомодель Виолетта Барановская сбросила пепел с темно-коричневой, тонкой сигареты в пепельницу. К удивлению Ани, а особенно Максима, она приехала в офис вовремя, как назначили, в десять тридцать утра. Не опоздала.

– Они любят, чтобы их подождали, – прогнозировал Ващенко. Но ошибся, тут явно был не тот случай.

Аня и Максим смотрели в окно, как на парковке перед бизнес-центром «Аура» на Лахтинском проспекте, где располагался офис детективного агентства «Гелла», остановился черный «Порше-каен» с обитыми белой кожей сиденьями. Из машины вышла высокая молодая женщина в длинном черном пальто с пышным меховым воротником. Светлые волосы собраны в кичку на затылке. Вместо модельной обуви на каблуке обычные кроссовки. На глазах, несмотря на пасмурную погоду, темные очки. Щелкнув сигнализацией, женщина взглянула в телефон, видимо, сверяя адрес, и направилась к входу. Через три минуты она уже стояла на пороге их офиса.

– Здравствуйте. Я Виолетта Барановская. Мне назначено.

Она сняла очки – лицо почти совершенно без макияжа, только глаза подведены. С первого взгляда Аня не заметила в ней никакой спеси, которую ожидала, по рассказу Ващенко.

– Анна Снегирева – это я. – Анна встала из-за стола. – Проходите, присаживайтесь. – Она указала на диван справа, куда обычно усаживали посетителей. Перед ним стоял стеклянный журнальный столик. Напротив кресло, для самой Ани.

– Вот здесь вешалка.

– Спасибо.

– Кофе? – спросила Аня, когда Барановская сняла пальто и заняла место ближе к окну. Одета она была во все черное – черная водолазка и черные брюки, расширенные к низу по моде. Никаких украшений.

– Да, если можно, – кивнула та. – Только черный и без сахара. У вас можно курить?

– Конечно. – Аня улыбнулась. – Я не курю, но клиентам не возбраняется. Макс, приоткрой окно, – попросила она. – И в самом начале позвольте ваши документы, – попросила она. – Я должна знать, с кем разговариваю. Нашу лицензию я тоже могу показать.

– Нет, нет, не стоит. – Барановская открыла сумочку и достала паспорт. – Как вы, наверное, догадались, Виолетта Барановская – это мой сценический псевдоним. По паспорту все гораздо проще. Рыжикова София Ивановна. – Она протянула паспорт Ане. – Родителей своих я не знала. Я выросла в детском доме. Имя и фамилию мне придумала директриса. – Она усмехнулась. – У меня свои волосы рыжие, а имя – потому что очень любила поспать подольше.

– Понимаю. – Аня вернула посетительнице паспорт.

– Вашу лицензию мне не надо, – продолжила та, закурив сигарету. – Я попросила нашего юриста проверить вашу фирму. Он мне сказал, все в порядке, никаких подвохов нет. Можно довериться.

– Спасибо. – Аня покачала головой. «Серьезный подход», – мелькнула у нее мысль.

– Кофе. – Максим поставил перед Барановской чашку с напитком.

– Благодарю, – кивнула та. – Я буду очень признательна, если вы будете называть меня Виолеттой, а не по паспорту. Я то имя почти забыла. Привыкла к новому.

– Хорошо, – согласилась Аня. – Так что же привело вас ко мне? Насколько мне известно, дело Ники Королевой расследовано и закрыто. Установили, что она совершила самоубийство на фоне приема запрещенных препаратов.

– Ника никаких запрещенных препаратов не принимала, – резко ответила Барановская. – Я знаю, что в квартире нашли кокаин. Но это не про Нику. Я точно знаю. В нашем бизнесе, конечно, наркотики, особенно легкие, это рядовое явление. Но Ника ни в каком допинге не нуждалась, у нее самой было энергии хоть отбавляй – на все хватало. Ей подбросили. Чтобы именно так и подумали – обдолбалась и с балкона прыгнула.

– Вот как? Кто же подбросил, есть предположения?

– Если бы я знала, я бы сразу в полицию пошла, не к вам. – Барановская всплеснула руками. – Но я не знаю. Подозреваю. Но доказательств не имею. Знаете, я Нике всем в своей жизни обязана, вот этим всем. – Она показала на себя. Я обязана Нике. Знаете, как я жила, когда ушла из детского дома? Тетка из отдела опеки, здоровенная такая с бабетой на голове, обманула меня. Никакого жилья мне не дала. Толкнула кому-то мою квартирку, а мне пригрозила, чтобы я больше не совалась, а то пожалею. А у нее муж – депутат, сын в недвижимости. Они быстро распорядились моим имуществом. Себе денежки в карман положили, а я – на улице. За меня кто заступится? Директриса детского дома? Она меня спровадила – и рада. Она никого из нас не любила, вообще детей терпеть не могла – но надо же где-то работать. Вот она и работала. Тетя Нюра, уборщица наша, сдала мне балкон у себя в квартире до зимы, застекленный. Так я счастлива была, что не на улице, в парке, ночью, на лавочке. Только туалетом разрешала пользоваться, чтобы я ей балкон «не засрала», как она выражалась. Ванной и кухней – нет. Мыться ходила в общественный туалет на вокзале. Там был рукомойник. Вот, пока нет никого, оботрусь слегка, чтоб не вонять. Полгода на хлебе и воде сидела. Одежда – только та, что была на мне, когда из детского дома вышла. До дыр заносила. А тетя Нюра эта одна жила. У нее ни мужа, ни детей, ни внуков – никого. Даже кота не было. Она себе супчик наварит, картошечки. Мне никогда и куска не дала. Очень жадная. Неудивительно, что одна-одинешенька. За балкон свой драла оплату, как за целую комнату. А у меня долго постоянной работы не было. – Барановская замолчала на мгновение, отвернувшись, посмотрела в окно, в глазах стояли слезы. Потом, отпив кофе, продолжила: – Я то в одном ларьке, то в другом рабо-

тала, то овощи продавала, то на рынке орешки и мед – где наймут. Специальности-то никакой. В конце концов устроилась уборщицей в офис, очень старалась. Там главбух меня заметила, попросила еще у нее в загородном доме убираться за отдельную плату. Не обижала. Платила хорошо. Я благодаря ей от тети Нюры съехала, квартиру сняла. Как-то наконец по-человечески жить начала. Не по-собачьи. Хотя у той бухгалтерши два алабая жили в загородном доме, мне поручили еще и их подкармливать и выгуливать. Так они так не жили, как я у тети Нюры – у них был благоустроенный вольер, мягкие подстилки, корм премиум-класса и игрушек полный ящик. Одним словом, благодаря этой женщине, Валентине Николаевне, я себя человеком почувствовала. Купила смартфон. Интернет поставила. Зарегистрировалась «В Контакте». Ну, так, чтобы хоть с кем-то общаться, хоть в Сети. Одна же, нет никого, ни родных, ни знакомых. Так года три прошло, наверное. И вот однажды мне «В Контакте» написала Ника. Было это 6 апреля, я этот день с тех пор отмечаю как свой второй день рождения. – Барановская улыбнулась. – Оказывается, она меня не забыла. Искала. И нашла. Мы с ней договорились о встрече. Она приехала – ну, как с другой планеты прилетела. Красивая, успешная, богатая. Я думала, это ей с приемными родителями так повезло. Но нет. Оказалось, те тоже ее не баловали. Она рассказала, что ходила в танцевальный кружок, и очень хорошо у нее получалось. И вот учительница, добрая женщина, рекомендовала ее в профессиональный коллектив. А там уж и Красовский ее увидел. Он как раз искал для своего агентства новых необычных девушек. А Ника-то мулатка. Она сразу ему понравилась. Тут и закрутилось у них. И роман. И карьера у нее, соответственно. Ника как узнала, как я живу – она в ужас пришла. Ты, говорит, герой. Столько натерпелась. И не сорвалась – на наркоте не подседа, с подонками не связалась. И сразу решила, мол, я тебе помогу. Теперь вместе будем. Она, вообще, добрая была. Хотя, знаете, могла бы озлобиться. – Барановская сделала паузу и еще отпила кофе из чашки. – В детском доме ей несладко приходилось. Издевались над ней из-за цвета кожи. Ну, сами представьте, каково у нас чернокожему жить, если вон, таджиков да казахов, наших же бывших, советских, на дух не переносят. И били ее девчонки, и дразнили – не смотри, что маленькие, а очень злые попадались. Но мы с ней всегда вместе держались, помогали друг дружке, заступались. Она это запомнила. Предложила мне «бросить швабру» и перебираться к ней. «Будешь работать в нашем агентстве, – уверенно так сказала. – Я с Красовским поговорю. Рост у тебя подходящий, фигура – тоже. А внешность – это все сделают. И все, что делать надо – научат. Я сама научу». Так пообещала. И слово сдержала, как видите. Я к ней переехала, сначала в ее квартире жила. Потом, как сама зарабатывать начала, контракты появились, сняла квартиру в доме на соседней улице. Но мы близко общались всегда. Никакой конкуренции между нами не было. Да и какая я ей конкурентка? – Барановская пожалала плечами. – Так, второй эшелон. Но когда в этом мире пожила – поняла, мало, кто так же бы поступил на ее месте. Зачем себе проблемы создавать? Но Ника... Она, вообще, щедрая была. Помогать не чуралась. Она в нескольких благотворительных фондах участвовала – детям больным лекарства закупала дорогие. Два собачьих приюта вообще за свой счет содержала. Вот и меня из грязи вытащила – по гроб жизни буду ей благодарна. И хочу тем же отплатить. Хоть и не смогла ее спасти, проглядела, откуда пришла опасность. – Голос Барановской дрогнул, она опустила голову.

– Почему вы все-таки считаете, что она не могла совершить самоубийство? – спросила Аня осторожно. – Ну, допустим, запрещенных веществ она не принимала. Но, например, депрессия, хроническая усталость, какая-то серьезная неудача? Триггер мог быть самый банальный. Вы же не можете утверждать, что досконально знали о ней все.

– Конечно, не могу, – согласилась Барановская. – Мы параллельно работали, у нее – свои контракты, у меня – свои. Но, знаете, эта привычка с детства, по вечерам посекретничать, она осталась. В детском доме мы поздно вечером, когда уже свет выключали, забирались под одеяло и тихонько рассказывали друг другу, что за день случилось. Ника говорила, что, пока она у приемных родителей жила, ей этого очень не хватало. Когда мы снова встретились, мы воз-

обновили эту традицию. Только уже не под одеялом на кровати, а по телефону. Каждый вечер разговаривали. Никакой депрессии у нее не было. Да и неприятностей особых. – Барановская пожалала плечами. – Вот только собака пропала. За пару дней до гибели это случилось, точно.

– Собака пропала? – переспросила Аня удивленно. – Как? При каких обстоятельствах? Какая собака?

– Белый лабрадор, – ответила Барановская. – Ну, не белый. Они ж не белые, палевые такие. По кличке Гриша. Догситтерша проворонила, когда в парке с ним гуляла. Увязался за какой-то собакой бесхозной. Она его не догнала. В приемной семье, у Дерябиных, где Ника жила, там собака была, такая же, Ника очень ее любила. И когда стала жить самостоятельно, завела такую же. Вот этот Гриша убежал. Но Ника бы не стала из-за такой ерунды с балкона прыгать, – уверенно заметила Барановская. – Конечно, она расстроена была. Догситтершу эту сразу же рассчитала. Но собака у нее была дорогая, породистая, чипированная, клейменная. К тому же помощников много. Волонтеры из приютов, которые она содержала, сразу бросились искать. Везде объявления развесили, в Интернете, в соцсетях среди подписчиков информацию распространили. Собаку-то нашли. Через неделю. У старых домов на набережной реки Пряжки, за гаражами, пенсионерка его увидела. Он корм у кошек, которых она подкармливала, подьедал, проголодался очень. Она его шарфом за ошейник подцепила. И волонтерам позвонила – про объявление вспомнила. Они приехали. Мне сразу сообщили, что это Гриша – узнали его. Но на всякий случай в ветеринарку свозили, проверили чип, клеймо. Он. Нашелся. Только вот Ники уже не было в живых, увы. – Барановская печально вздохнула и опустила голову. – Но не могла она из-за этого с балкона прыгнуть. А больше-то – с чего?

– Потенциальные самоубийцы бывают очень скрытные, – подал голос Максим. – Вот недавно об одной актрисе рассказывали. Она очень весело со всеми разговаривала, договаривалась о встречах. А потом пошла и приняла сорок таблеток какой-то гадости. Еле откачали.

– Это верно, – согласилась Аня. – Предвестники суицида, как утверждают психологи, как вербальные, так и поведенческие, могут намеренно прятаться. Внешне разыгрывается полное благополучие. Но надо следить за тем, не предпринимает ли человек каких-либо действий, которые могли бы свидетельствовать о его намерениях – например, возвращает долги или составляет завещание. В случае с Королевой, как я понимаю, ничего подобного не наблюдалось.

– Я не замечала. – Барановская пожалала плечами.

– Ясно. А где сейчас ее собака? – спросила Аня, подождав мгновение.

– У меня. Я Гришу к себе забрала. Кто же о нем теперь позаботится? Наняла нового догситтера. Он за ним присматривает.

– И как собака себя ведет? – поинтересовалась Аня.

– Спокойно, – ответила Виолетта не очень уверенно. – Я и сама удивляюсь. Думала, он убиваться будет. Но – ничего. Ест, пьет.

Я подумала, может быть, это потому что лабрадор. Они же не овчарки, например, не так привязаны к хозяину.

– Нет, это исключено, – решительно произнесла Аня. – Собаки устанавливают с хозяином эмоциональную и психологическую связь. Очень тесную связь. Любые. Они замечают даже небольшие изменения в состоянии человека. Когда хозяину угрожает опасность или, тем более, хозяин умер. Они мечутся, отказываются от еды, воют. А вы говорите, привели пса в чужой дом, хозяйки вообще нет в живых, а он ест себе спокойно. И в прекрасном настроении.

– Ты полагаешь, собаку подменили? То есть Гриша – это не Гриша? – догадался Максим.

– Вполне может быть, – предположила Аня. – Если мы имеем дело не с несчастным случаем и не с самоубийством, а с преступлением, то оно, несомненно, было спланировано. И похищение собаки – один их этапов этого плана. Чтобы беспрепятственно попасть в квартиру, например. А то собака будет лаять, услышат охранники. Лишний шум. Да и лабрадоры вполне

способны защитить своих хозяев ничуть не хуже овчарок. Зубы у них приличные. И ради хозяина они пойдут на все. Скорее всего, собаку намеренно убрали из дома. А потом вернули для отвода глаз. Мол, нашлась. Только уже не Гриша. А Гришу надо искать. Не исключено, что он тоже мертв. Вряд ли преступник оставил его себе или отпустил. Если он не пожалел хозяйку, то собаку тем более не пожалеет.

– А как же чип и клеймо? – растерянно спросила Барановская.

– Недобросовестных ветеринаров хватает. – Аня только покачала головой. – За деньги сделают все, что угодно. Надо проверять вашего Гришу. Когда поставлено клеймо, анализы брать. У Королевой наверняка был свой ветеринар. Надо показать ему Гришу. Что он скажет?

– Мне как-то и в голову не пришло. Нашелся и нашелся – хорошо. Все мысли о Нике были. Я и подумать не могла, что собака может быть подставная. Я сейчас же поеду домой и вызову Аркадия Павловича. – Барановская резко встала. – Это ветеринар, который вел Гришу. Чтобы он его осмотрел.

– Это обязательно, – согласилась Аня. – Но сначала надо закончить с формальностями. Если вы нас нанимаете, надо заключить договор. Мы все уже подготовили, осталось только внести данные. Сейчас Максим все сделает. Возьми паспорт, – попросила она Ващенко. – А мы пока продолжим. Присядьте, – добавила она мягко. – Надо еще уточнить некоторые детали.

– Да, да.

Барановская опустилась в кресло и, чиркнув зажигалкой, закурила новую сигарету.

– Если вы пришли к нам, вероятно, у вас есть какие-то соображения, – продолжила Аня. – Вы кого-то подозреваете? У Ники были враги?

– В нашем деле врагов – хоть отбавляй. – Барановская вздохнула. – Особенно женского пола. То костюм порежут перед выступлением, то толченого стекла в туфли подложат. Женщины, вы знаете, они и злее мужиков и беспощаднее в конкуренции.

– Когда вы с Никой виделись в последний раз перед ее гибелью?

– Утром на фотосессии. В Пассаже пиджаки и топы Цветковой из новой коллекции демонстрировали. Потом разъехались по своим делам. Договорились созвониться вечером.

– Как вам показалась Ника? Она была чем-то расстроена? Опасалась чего-то?

– Расстроена была, – подтвердила Виолетта. – Гриша же пропал. Ей постоянно волонтеры звонили, сообщали, как идут поиски. Еще Красовский орал, чтоб это все – после съемок. Мол, выбивают из образа. Но Ника на него внимания не обращала. Знала, что она у него – прима. Никуда он не денется. Без нее не обойдется.

– Здравьете. Можно?

Дверь открылась – на пороге показалась девушка в полицейской форме.

– Калмыкова Юлия Анатольевна, – представилась она. – Мне бы Анну Снегиреву...

– Это вы от Суворова?

– Простите.

Анна встала и подошла к девушке.

– Снегирева – это я. Да, Суворов мне звонил. Вы пока подождите в коридорчике, – попросила она. – Там присесть можно, кофе попить в автомате. Мы сейчас со свидетелем закончим. И я вас приглашу. Хорошо?

– Да, конечно. – Калмыкова вышла.

– А это кто? – Максим уставился на Аню, явно озадаченный. – Кто такая?

– Наша практикантка, – сообщила Аня. – Суворов навесил. Не могла ему отказать. Собиралась тебе еще вчера рассказать, но вылетело из головы. Я и сама про нее чуть не забыла. Студентка школы полиции, племянница, кстати, большого начальника.

– Этого еще не хватало. – Максим присвистнул. – Она у нас в чем практиковаться будет?

– Сама не знаю. – Анна пожала плечами. – В чем получится. Посмотрим. Но нам очень надо со следователями по делу Королевой контакт наладить. Суворов обещал помочь. Он там кое-кого знает. Ты договор подготовил? – Она подошла к рабочему столу. – Распечатывай.

– Сейчас подпишем, – сообщила, возвращаясь к Барановской. – Так, значит, вы виделись утром, – продолжила беседу, снова усаживаясь напротив фотомодели. – Вечером созванивались?

– Да.

– Во сколько это было?

– В семь часов, я только что домой приехала, – сообщила Виолетта. – Устала очень. Но поговорить с Никой – это было правилом у нас. Позвонила. Она, помню, сказала мне, что ей предложили очень выгодный контракт, чуть не на пол-лимона баксов. Какая-то южноамериканская фирма. Съёмки должны проходить в Марокко, в Касабланке, мечеть Хасана и все такое. Сами подумайте, зачем ей принимать наркотики и прыгать с восьмого этажа, если у нее отличная перспектива вырисовывается? – Виолетта пожала плечами. – Это же международное признание, деньги – не чета нашим, слава. Она могла бы вообще свалить отсюда. Жить в Лондоне, например.

– Но у нас, я смотрю, тоже хорошо зарабатывают. – Максим кивнул в сторону окна, имея в виду «порше», который стоял на стоянке.

– Я бы никому не сказала, но раз сама пришла, секретов быть не должно. – Барановская сделала паузу, размышляя, стоит ли признаваться, затем все-таки продолжила: – Это все, так сказать, напрокат, от фирмы. И машина, и квартира. Моя только одежда.

– Ясно, – кивнула Аня и бросила на Максима укоризненный взгляд. – А Красовский был в курсе, что Нике поступило выгодное предложение? – спросила быстро, чтобы сменить тему.

– Этого я не знаю. – Виолетта покачала головой. – Она мне ничего не говорила. Но вряд ли бы он обрадовался, узнав, что она его покинет.

– Почему?

– Как же?! – Виолетта расширила глаза. – А бабки? Она же была для него курицей, которая несет золотые яйца. Клиенты слетались на нее, как пчелы на мед. Без нее он – пшик.

– Но как-то же он существовал и до того, как Королева появилась, – напомнила Ника. – Был вполне успешный, состоявшийся бизнесмен.

– Может, и существовал. – Барановская презрительно пожала плечами. – Да возвращаться в это состояние снова вряд ли захотел бы. Он раза в три, а то и в четыре поднялся – есть разница?

– Конечно, это мотив, – произнесла Аня задумчиво. – Надо будет с ним побеседовать. Но вряд ли он рассчитывал эксплуатировать Нику всю жизнь. Наверняка понимал, что рано или поздно она от него уйдет. Что ж, давайте подписывать договор. – Аня пододвинула Барановской документы и ручку. – Я возьмусь за это дело. Постараюсь все выяснить.

– Да, я очень на вас надеюсь. – Виолетта уверенно поставила подпись на обоих экземплярах. – Аванс перечислю сегодня же, не сомневайтесь, – пообещала она. – А скажите, с ветеринаром мне самой беседовать?

– Ни в коем случае. Теперь никаких самостоятельных шагов без согласования с нами. Или без нашего участия. Это может быть опасно. – Барановская кивнула. – Вы созвонитесь с ним и договоритесь, когда он приедет. А потом сообщите мне, – попросила Аня. – Я тоже обязательно хочу присутствовать. Полагаю, что в моем присутствии он будет осматривать питомца более внимательно, – добавила она с иронией. – Подсказывает мне интуиция. Да и опыт тоже.

– Хорошо. Благодарю вас. – Барановская встала. Взяла со стола сумку из мягкой блестящей кожи.

– Скажите, если Нику все-таки убили, мне тоже надо опасаться за свою жизнь? – спросила настороженно.

– На данный момент я ничего не могу вам ответить точно. – Аня пожалала плечами. – Сначала надо установить, что имеет место преступление. Как мы знаем, полиция установила самоубийство. Полагаю, в ближайшее время что-то прояснится.

– Я ведь тоже должна была принимать участие в этом шоу, – призналась Барановская взволнованно и снова села, крепко сжав пальцами с ярко-розовым маникюром край стеклянного стола.

– В каком шоу? – уточнила Аня. – Этих южноамериканцев?

– Нет, про них я ничего не знаю. – Барановская отрицательно покачала головой. – В нашем. Красовский устраивал. По старославянским мотивам. Он последние несколько месяцев носился с идеей показать коллекцию с элементами древнего славянского костюма. Ну, сами понимаете – свободные рубахи с вышивкой и тесьмой, сарафаны с крупными узорами. Венки с лентами на голове, лапти опять же... Мне это не нравилось, – Барановская скривила губы. – Но нас кто спрашивает? Вадим просто помешался на всем этом. Он сам-то из Тюмени приехал, – продолжила Виолетта после короткой паузы. – В Москву. С женой, с ребенком. Еще в начале девяностых это было. Лет десять крутился и тут, и там, зарабатывал разными способами. Как поднялся, деньги появились приличные – купил дом в Звенигороде, недалеко от Сторожеского холма, на котором Саввино-Сторожевский монастырь стоит. Обосновался там. Вдруг раз – жена у него от рака умирает. Обнаружили поздно, сторела за несколько месяцев. А через год дочка заболевает – тоже рак. А ей всего четырнадцать лет было. Ну, Красовский к одним врачам, к другим, в Германию повез. Там вроде помогли немного, но до конца не вылечили. И вот говорили мне, точно я не знаю... – Барановская пожалала плечами. – Он знахарку какую-то нашел. Посоветовал ему кто-то. Она дочку не вылечила – та все равно спустя два года умерла, но продлила ей жизнь. Вот знахарка эта рассказала Красовскому, что когда-то в незапамятные времена на Сторожевском холме жило племя вятичей. И они поклонялись огромному ящеру, прозванному Ледяным змеем. Он сторожил подземную реку, по которой, как утверждали жрецы, каждое утро проплывает солнце, чтобы взойти на небе. И чтобы змея этого задобрить, чтобы он солнце пропустил, не проглотил его, приносили божееству жертвы. Ну, кур там, еще какую-то живность. Но в особые годы, когда засуха или еще какие-то бедствия случались, то и молодых рабынь. Видно, запомнилась Вадиму эта легенда. Дом-то тот после смерти дочери он продал. Вообще из Москвы уехал. Перебрался в Питер. В Репино дом купил. В Москве бывает часто, по бизнесу. Но в гостиницах живет. Как Ника говорила, прежде он о той своей московской жизни, когда жена и дочь у него болели, и вспоминать не хотел. А вот в последнее время вдруг опять схватился за старую легенду. Все какие-то обереги скупал. Шоу придумал: племя вятичей приносит в жертву Ледяному змею молодую пленницу, чтобы послало божеество им дождь. Чушь какую-то нафантазировал... – Барановская фыркнула. – Охота в этих пестрых сарафанах бегать? Но он – босс, деньги платит, куда денешься?

– А на роль этой самой молодой пленницы, конечно, выдвинул Королеву, – догадалась Аня.

– Да, ее. Кого же еще? – Виолетта вздохнула. – Вот и принесли ее в жертву. У нас все так говорят в агентстве – слопал, мол, Ледяной змей Королеву-то. Кто следующий на очереди? На меня кивают. Я прислужницу этой знатной рабыни изображала. Сам Красовский как понял, что к чему – в больничку слег. Якобы душевное расстройство у него от потрясения. Даже на похоронах Ники не был. Чуть не со дня ее смерти его не видели.

– А это ничего, что Королева мулатка, для вятичей-то? – спросил Максим с явной насмешкой. – Не слишком авангардно?

– Вот-вот, – подтвердила Барановская. – Вадиму говорили, какая она невеста сына вождя? Так он придумал, будто она рабыня, мол, сын вождя увидел ее на невольничьем рынке в Константинополе, влюбился и выкупил. Красовский распорядился и в костюм детали добавить соответствующие. Кольца в ушах, на шее тоже такое литое ожерелье, как ошейник.

– Хорошо еще, что не в носу кольцо, – пошутил Ващенко.

– Еще раз скажу, Красовский словно помешался на этой истории. Обязательно хотел ее воплотить, и никто его переубедить не мог.

– Это интересно. – Аня откинулась на спинку кресла, размышляя. – В мистику я не верю, но кто-то хитрый и ловкий вполне мог воспользоваться легендой для прикрытия. – Она взглянула на Максима, тот кивнул, соглашаясь. – Будем проверять. Спасибо за информацию. – Она встала, провожая Виолетту к выходу. – Как только договоритесь с ветеринаром, немедленно мне сообщите.

– Конечно, – кивнула та и спросила, понизив голос: – Как полагаете, может быть, мне телохранителя нанять?

– Это лишнее пока, – решительно возразила Аня. – Так мы только спугнем преступника, если он существует. Наверняка он где-то поблизости и следит за происходящим. Важно поддерживать версию самоубийства Королевой, чтобы он не сорвался и не предпринял еще каких-то опасных действий.

– Понимаю, до встречи.

Коротко пожав Ане руку, Барановская вышла.

– Так, теперь позови-ка нашу стажерку.

Аня села за рабочий стол.

– А то она уже устала там ждать. Суворов меня съест. Племянница его начальника.

– А к чему она вообще здесь?

– Я же тебе сказала, мой однокурсник Славка Суворов, который сейчас в Главном следственном управлении Следственного комитета, у нас в Питере работает, попросил меня пристроить ее на практику, – терпеливо повторила Аня. – Нам же надо связи со следаками иметь. В благодарность обещал устроить встречу со следователем по делу Королевой. Нам с тобой как на хлеб зарабатывать, чтоб не только за пропавшими с балкона штанами какого-нибудь алкаша бегать? Нужны связи, надо крутиться среди важных людей в этой сфере. Чтoб тебя знали, вспомнили о тебе, если случай подвернется. А эта барышня, на минуточку, племянница заместителя руководителя этого самого Главного следственного управления, где Суворов трудится, Кочина. Он про нас слышал, представь! Сам попросил Славку девушку к нам отправить на практику. Славка, конечно, рад стараться. И мы должны показать себя с лучшей стороны. Так что попрошу. – Аня пристукнула ладонью по столу, – с уважением и без лишних шуточек.

– Я понял. Как скажете, босс. – Максим слегка поклонился. – Сейчас пригласим. Как, ты говоришь, у нее имя-отчество?

– Юлия Анатольевна, как я слышала, – сказала Аня, глядя на экран компьютера. – И, наверное, лучше Юля, я думаю.

– Есть.

Максим выглянул в коридор.

– Юля, заходите, – позвал он.

– Здравствуйте.

Через мгновение, посторонившись, он пропустил в комнату Калмыкову. Аня подняла голову, быстро взглянула на нее. Рост средний. Широко расставленные серые глаза. Лицо умное. Явно волнуется.

– Проходите, Юля, садитесь.

Аня показала на стул рядом со своим столом.

– Вот, познакомьтесь, это мой помощник Максим Ващенко, – представила она. – Нас в фирме всего двое, если не считать бухгалтера, но она в офисе не присутствует. У нас – частное детективное агентство.

– Анна – главный следователь, а я – так, на побегушках, вроде опера, – добавил Ващенко иронично.

– Вы преступления расследуете? – спросила Юля, и Аня едва сдержала улыбку, настолько серьезно прозвучал ее вопрос. – У меня все пятерки, – сообщила она. – И по юридическим дисциплинам, и по физической подготовке и даже по... географии.

– Это хорошо, – заметил Максим. – По географии. Не заблудимся, если что. А по английскому?

– А вам английский нужен? – Юля повернулась к нему. – Я к репетитору ходила. Знаю.

– Максим шутит, – объяснила Аня и бросила на Ващенко укоризненный взгляд. – Привыкайте. Он у нас любит поострить. Я не знаю, что вам рассказали, но детективное агентство – это не следственный отдел полиции на обслуживаемой территории. Мы не выезжаем по звонку на место преступления, не проводим задержаний, не надеваем ни на кого наручники. Тем более никого не арестовываем и не сажаем в СИЗО. Мы работаем по договору с клиентом. Наша главная задача – это сбор информации и анализ. По результатам мы предоставляем клиенту отчет. Вообще, чаще всего весьма скучная и рутинная деятельность, особенно составление отчетов, – призналась Аня. – Но бывают и у нас яркие моменты – погони, даже со стрельбой. Правда, когда надо кого-нибудь задерживать, мы вызываем правоохранительные органы.

– Это как в деле Лозовской? – оживленно подхватила Юля. – Мне Вячеслав Иванович рассказывал, как она преследовала вас на черной «тойоте».

– А, Вячеслав Иванович... – Аня в недоумении приподняла бровь. – А, поняла.

Славка Суворов. Она и не знала, что он, оказывается, Вячеслав Иванович... Точнее, знала, но забыла.

– Так что каких-то крупных операций, внимания прессы не ждите, – предупредила Аня. – Все будет очень обыденно. Вначале. А дальше посмотрим. Никогда не знаешь, как повернется то или иное дело. Так что располагайтесь, – пригласила она. – Чувствуйте себя как дома. Отдельного рабочего стола я вам предоставить не могу, он здесь единственный. – Она пристукнула пальцами по столешнице. – Так что ставьте стул и пристраивайтесь сбоку. Кофе вот. – Она показала на кофеварку на окне. – И в коридоре в автомате. Туалет в конце коридора. Там же зеркало есть, если требуется. Работаем мы с десяти до семи. Но сами понимаете, по сути, рабочий день у нас ненормированный.

– А что делать нужно? – спросила Юля нетерпеливо.

– То, что я попрошу, – ответила Аня. – Согласно обстоятельствам. Сразу хочу предупредить о соблюдении конфиденциальности. Тайна клиента – это святое. Все, что вы услышите, узнаете в этой комнате, в рамках расследований, которые мы проводим, распространять нельзя никому. Ни дома, ни Вячеславу Ивановичу, ни даже вашему дяде. Впрочем, они и сами знают, что такое тайна следствия. Иначе с нашим агентством никто не захочет иметь дело.

– Я в курсе. Я понимаю. – Калмыкова с готовностью кивнула.

– Одним словом, милости просим. – Аня улыбнулась. – Толковые помощники нам нужны.

– Тем более на практике, – добавил Максим. – Бесплатно.

– Не бесплатно, – поправила его Аня. – Практика сейчас оплачивается, к сведению. По договоренности.

– Я и бесплатно могу, – быстро сообщила Юля. – Это не проблема.

– Расчет обязательно будет по итогам дела. Но имейте в виду, по итогам дела, не практики, понимаете? – Аня вопросительно посмотрела на Юлю, та кивнула. – У нас не государственное учреждение, бюджетных денег нет, только те, что сами зарабатываем. Как клиент расплатится.

– Я без претензий, – заверила Калмыкова.

– Главное, родителям скажите, – заметил Максим. – А то будут пилить, почему не платят.

– Ну, расходы, если какие случатся, за наш счет, конечно, – продолжила Аня. – Приносите чеки, мы оплачиваем. Но тоже знаете, как деньги поступают.

– Я понимаю.

– Значит, сейчас в разработке у нас несколько дел. – Аня показала на доску у окна, где висели фотографии фигурантов. – Тут супружеская неверность, потеря документов, мошенничество. Но главное наше дело – вы только что видели. Договор, который сегодня подписали. На весьма солидную сумму. И важно – дело очень интересного содержания. К нам обратилась фотомодель Виолетта Барановская с поручением выяснить все обстоятельства гибели ее подруги – телеведущей и актрисы Ники Королевой. Вы наверняка об этом слышали, Юля.

– Да, конечно, – подтвердила та. – Я и «Ледниковый период» смотрела, где Королева участвовала, и другие шоу. А Барановскую я тоже знаю. У меня подруга со школы еще по ней с ума сходит. Фотки коллекционирует. Копирует во всем. Я ее сразу узнала.

– Вот это наша задача номер один сейчас, – объявила Аня. – Все усилия мы сосредоточим на ней. Остальные дела будем дорабатывать.

И в форме в офис приходите совсем не обязательно, – добавила она мягко. – Приходите в обычной одежде. Форма вам, конечно, идет. Но не надо привлекать лишнее внимание.

– Я поняла. Это я так, для первого раза, – призналась Калмыкова и слегка покраснела. – Не знала, как правильно сделать. Мама сказала, иди в форме, не прогадаешь.

– В первый раз – можно, – подтвердила Аня и сразу обратилась к Ващенко: – Если Барановская позвонит, поедem к ней. Не думаю, что она долго будет тянуть с вызовом ветеринара. А вообще, в первую очередь надо осмотреть место происшествия, – продолжила она. – Одно дело – телевизор, пресса, рассказы очевидцев, но всегда надо посмотреть собственными глазами, где произошло. Могут попасться какие-то детали, которые другие не заметили.

– Согласен, – кивнул Максим. – Надо бы еще с той тетенькой побеседовать, которая вызвала скорую помощь и полицию. Артистка Мариинского театра вроде бы. Так говорили.

– Репетитор. Бывшая артистка, – поправила его Аня. – Ты же имеешь в виду соседку, которая сначала дала показания, что слышала что-то подозрительное, а потом отказалась?

– Ну да, ее.

– Это обязательно. Кроме того, надо опросить консьержа. Кто дежурил тогда, – добавила Аня. – Конечно, полиция провела допрос, они свою работу знают, но мало ли что-то еще всплывет.

– Тогда поедem?

Максим быстро встал с дивана. Подойдя к вешалке, сдернул куртку.

– Да, – подтвердила Аня. – А вы, Юля, здесь в офисе, на телефоне, – обратилась она к практикантке. – Всех, кто позвонит, записывайте. Если что-то срочное, вот номер моего мобильного. – Она протянула девушке визитную карточку. – Немедленно звоните. Номер Максима на всякий случай вот здесь записан. – Она показала на стикер, прикрепленный к экрану компьютера. – Ваш телефон продиктуйте мне, – попросила она и быстро набрала цифры, сохранив номер в памяти. – Записала. Кроме того, прошу вас собрать информацию. Вот, садитесь за компьютер. – Аня указала девушке на свой стул. – Вот Гугл. Работа очень простая. Надо искать информацию, копировать и сохранять в папочке. Папочек нам надо несколько. Первая – все, что найдете о Королевой. Все, все, – уточнила она. – Все сплетни, с кем встречалась, с кем ссорилась, какие романы крутила. Какие клубы посещала, где снималась, где выступала, папа-мама, одним словом – все, что найдете. Не на выбор, вы меня понимаете? А все, что есть. Потому что никогда не знаешь, откуда ниточка потянется. Вторая папка – Красовский Вадим Андреевич, – продолжила она. – Предприниматель. Владелец рекламного агентства «Адмирал», ну и прочих предприятий. Бутиков, салонов красоты. Как я понимаю, у него целая сеть. Он нам особенно интересен, так как, скорее всего, он – один из самых близких к Королевой персонажей. Любовник, бывший или даже и нынешний. Работодатель, которому она приносила солидный доход. Если Королева планировала от него уйти, он явно должен был как-то этому воспрепятствовать. Во всяком случае, у него был мотив. Все, что про него найдете. Посмот-

рите отдельно, кто присутствовал на похоронах Королевы. Какие там лица, что писала о них пресса. Так, вообще, все, что писала по этому поводу пресса – отдельная папочка. – Аня пристукнула ладонью по столу. – Весь сор. Кто ругает, кто хвалит. Потом будем анализировать. И наконец, четвертая папочка – этот вот Ледяной змей.

– В смысле, кто? – удивленно переспросил Максим.

– Ледяной змей, – на полном серьезе повторила Аня. – Древнеславянская легенда о Ледяном змее. Нет ли каких-то тайных обществ, последователей. Может быть, кто-то и сейчас занимается. Сообщества «ВКонтакте», в других социальных сетях. Знаешь, исключать ничего нельзя. Люди иногда занимаются на досуге самыми неожиданными делами, – пояснила она. – Кто-то вяжет, рисует. А кто-то под землей ползает, древние артефакты выискивает, копатели разнообразные. Кто была знахарка, которая лечила дочь Красовского? Из рассказа Барановской явно следует, что она оказала на Вадима влияние. Возможно, член какого-то тайного общества, секты. Это народ очень привязчивый, и очень деньги любят. Им, как говорится, дай палец – они и руку откусят. А Красовский – человек денежный. Они влезли к нему в доверие, например, обещали спасти дочь. Дочь не спасли, а денежки тянуть продолжают. Королева могла противиться этому, мешать. Ничего не исключается.

– Надо выяснить, что это за знахарка, – согласился Максим.

– Выясним и с Красовским побеседуем, – пообещала Аня. – Но прежде надо собрать информацию, и по такого рода сообществам, а также по частным любителям. Чтобы знать заранее, о чем речь. Юлечка, все ясно? – спросила Аня практикантку. – Вопросы есть? Справитесь?

– Справлюсь, Анна... – Калмыкова запнулась, не зная отчества.

– Можно просто Анна или даже Аня. Все тогда, едем.

Аня надела пальто, взяла сумку. Выходя, повернулась к Юле.

– На связи.

Та кивнула, усаживаясь за Анин стол.

– И если тут будут заглядывать разные дамы, которые работают по соседству и которым хочется почесать язык, то ни с кем не разговаривайте особенно, – предупредила Аня напоследок. – От них потом не отвяжешься.

– Ну, как тебе новенькая? – спросил Максим, когда они спустились в лифте.

– Что сказать? – Аня пожала плечами. – Хорошая девочка из хорошей семьи. Очень даже скромная для генеральской племянницы. Я опасалась, что понахальнее будет. Время покажет. Суворов, конечно, подсуропил мне. По большому счету, сейчас не до нее. Но так совпало. С другой стороны, сам он поговорчивее станет, коли мне обязан. Генерал-то его теперь отметит, конечно. Глядишь, по карьере продвижение откроется. Славка – он расчетливый. Он никогда ничего без выгоды для себя делать не будет. Еще в университете конспект давал списать за чашку кофе в буфете. Кстати, надо ему позвонить, – решила Аня. – Пусть договорится о встрече со следователем. Многого я не жду, они не очень-то идут на контакт с такими, как мы, считают бездельниками. Но без этого – никуда. Еще придется побегать, какую-нибудь услугу оказать, чтобы расположение заслужить. На, садись, ты поведешь. – Она отдала Максиму ключи от «поло». – Я сейчас Суворова наберу. Славка, привет. – Когда выезжали со стоянки, Аня включила громкую связь. – Что ж, пришла твоя Калмыкова. Поговорила я с ней.

– И как она тебе? – спросил Суворов с усмешкой, он явно находился в метро, так как можно было услышать, как объявляют следующую станцию.

– На первый взгляд, хорошая девочка. – Аня повторила то же самое, что сказала Максиму. – Тебе, может быть, перезвонить? А то связь прервется.

– Не прервется. Я уже наверх поднимаюсь, – ответил Суворов. – Еду от страховщиков. Представь, вчера на Литейном, на повороте, один умник моему «форду» в дверь въехал. Ну, он виноват. Однако я теперь без машины, в ремонт отдал. А фордику всего два года.

– Я-то и удивляюсь, что ты на метро.

– Ну, вот, такая жизнь, подруга. – Суворов присвистнул. – Ты Юлечке-то поручение дала? Что мне Кочину сказать? Чем она занимается?

– А вообрази, я ее к делу Королевой подключила. Информацию гуглит, – сообщила Аня. – Так что на самом острие.

– Здорово! Ему понравится. А ты что, договор заключила? С кем? С этой подругой Королевой? Будешь расследовать? – Славка вышел на улицу, слышался шум проходящего транспорта.

– Да, сегодня утром, – подтвердила Аня. – Виолетта Барановская, близкая подруга Королевой, приезжала к нам в офис, подписала договор. Уверена, что Королеву убили. Кстати, много интересных фактов рассказала. Но пока выводы делать рано – надо все проверить.

– Любопытно. Если что-то откроется, это будет бомба. – Суворов задумался. – Но как-то не верится, что следаки что-то серьезное проспали. Зайцев, он вообще очень опытный специалист. Запутанные дела раскрывал.

– Вот надо бы мне с ним поговорить...

– Это, подруга, я тебе скажу, вопрос. То есть встречу-то я тебе устрою, даже Кочина подключу, если Юлечка там в деле, так что никуда он не денется – встретится. А вот что расскажет – я не гарантирую. Тут уж его никто не заставит. Если не захочет сотрудничать – хоть убейся. У него такой характер. Упертый очень мужик.

– А ты до того, как о встрече договариваться, узнай, нет ли у него каких висяков, например, – попросила Аня. – Может, и мы ему чем поможем. Мы ему поможем, а он – нам.

– Это неплохая мысль, – согласился Суворов. – Но как тебе удастся? Если полиция застопорилась?

– Ну, я точно не знаю. – Аня пожала плечами. – А вдруг? Но даже если ничего не получится, все равно встречаться надо. Будем как-то находить общий язык.

– Я понял, отзвонюсь, – пообещал Суворов. – Ладно, бывай, я уже к конторе подхожу. Сегодня все выясню.

– Бывай, Вячеслав Иванович. – Аня улыбнулась. – Я и забыла, что у тебя такое отчество.

– Это Юлечка меня так называет, – сообразил Славка и рассмеялся. – Но ей можно. Она маленькая еще. Пока.

– Пока. – Аня положила телефон на колени.

– У нас на Английском проспекте, какой дом? – спросил Максим.

– Двадцать четвертый, – ответила Аня в раздумьях.

– Скоро приедем, – заметил Максим. – Сегодня пробок нет. Даже как-то непривычно.

Машина проехала по Театральной площади мимо Мариинского театра к Никольскому морскому собору, повернула направо и поехала по проспекту Римского-Корсакова мимо здания Высшей школы экономики. Затем сделала еще один поворот – на Английский проспект, – и, проехав по нему, остановилась.

– Кажется, здесь.

Максим посмотрел на дисплей телефона.

– Этот дом.

– Да, он, – подтвердила Аня, погуглив. – Бывший доходный дом Захарова. Реконструирован и достроен в 2009 году. Стекланные пристройки сооружены в 2018-м. Всего сто двадцать восемь квартир, из них восемь четырехкомнатных премиум-класса в пристройке с застекленными верандами, в том числе на восьмом этаже, где проживала наша Королева. И откуда она, собственно говоря, и упала. Что ж, выходим. – Аня решительно взялась за ручку двери. – Надо осмотреться. Кстати, здесь из-за близости Мариинки парковка кругом платная. Смотри, как бы нам счетик не выписали, лишних денег нет, – предупредила она.

– Не учи ученого, – усмехнулся Максим. – Вон, видишь зеленая плашка: бесплатная парковка в зоне социального объекта. Что-то, видно, инвалидам выдают, какие-то продукты или

еще что. Правда, всего два места. Но инвалидов пока не видать, а мы одно местечко займем, и человечка в инвалидном кресле поставим. – Максим пристроил на стекло желтый значок. – Вот так. Но у нас два часа только, имей в виду.

– Да, я помню. – Аня кивнула. – Итак, что у нас на первом этаже? Архитектурное бюро. Художественный салон. Это самое питание для инвалидов, они-то как сюда попали, в элитный дом? – Она пожала плечами. – Если только в социальную нагрузку. Салон музыкальных инструментов. Если учесть, что падение произошло рано утром, все они были закрыты. Вряд ли что-то видели. Но все равно все сфотографируй, – распорядилась она, бросив взгляд на Максима. – Квартира Королевы вон там, в левом крыле. Там возвышаются эти самые стеклянные веранды. Их пристроили, как мы читали, они составляют два этажа, основное здание – шесть этажей. На восьмом этаже всего один балкон. Он находится прямо над лавкой художника. Вот сюда, на тротуар, к офису художника... – Аня посмотрела на вывеску. – Художника Алексея Точилина Королева и упала.

– Зайдем, спросим? – предложил Максим.

– Давай зайдем, – согласилась Аня. – Заодно узнаем, как попасть внутрь к консьержу, где основной вход. А то, я смотрю, все ворота закрыты наглухо. Но машины-то где-то проезжают, и люди проходят. В описании сказано, у них есть паркинг.

Они подошли к стеклянной входной двери. Максим взялся за ручку, открыл – переливчато звякнул звонок, сообщая хозяину, что пришли гости.

– Осторожно, здесь ступеньки, – предупредил Максим и подал Ане руку. Они спустились в студию. В просторном пятиугольном зале никого не было. На стенах, покрытых белой с едва заметными голубоватыми прожилками краской, висели картины. Слева от входа стоял угловой кожаный диван, вероятно, для посетителей. Перед ним – журнальный столик, на нем ваза с искусственными цветами и несколько буклетов. Напротив дивана, у окна, рабочий стол с компьютером. Крутящееся мягкое кресло плотно задвинуто. В зале никого не было.

Аня сразу обратила внимание на картины. В основном это были пейзажи, несколько портретов, два натюрморты.

Бросалась в глаза цветовая гамма – она поразительно напоминала картины прерафаэлитов. Основные краски – белый, рыжий, зеленый, а также яркий фиолетовый. Впрочем, человек непосвященный вряд ли бы заметил это.

– Я уверена, что мастер, создавший эти полотна, – большой поклонник Данте Габриэля Россетти и Джона Милле.

Аня подошла к картине, висевшей ближе остальных, и внимательно рассматривала ее.

– Пардон, кого? – Максим присвистнул. – Ты не забывай, что здесь не все такие просвещенные, как ты.

– Это английские художники. Очень своеобразная школа, практически не имеет аналогов, зато имеет множество поклонников и подражателей по всему миру. Они старались соединить изобразительное искусство и поэзию. Они считали, что академические правила изуродовали живопись, и обращались к истокам Возрождения – к творчеству итальянца Сандро Боттичелли, например. Россетти намеренно ограничивал свою палитру почти полностью белым и тремя основными цветами. Синий – символ неба, традиционно ассоциируется с Богородицей, красный символизирует кровь Христа, зеленый – природа, вечная жизнь, обновление. Женщины с пышными рыжими волосами. Россетти ориентировался на Венеру Боттичелли. Волосы цвета «увядших буковых листьев», как писал Голсуорси. Это английский писатель, – уточнила Аня. – Характерная игра светотени. Вот посмотри на этот пейзаж, – пригласила Аня Максима. – Буйство природы, цветение, вроде бы радость, весна, а рядом – ручей с темно-коричневой, почти черной водой, точно разверзшаяся могила. Здесь явно не хватает Офелии с картины Джона Милле. И на ветке над водой – желтая птичка. Очень похожа на канарейку с

картины Россетти «Вероника Веронезе». Что-то мне подсказывает, что хозяин салона – истинный англоман.

– Интересно, где он? – Максим прошелся по салону, разглядывая картины. – Как не боится, что у него все утащат? Наверняка сигнализация хитрая, иначе не бросил бы так спокойно свои сокровища. Да, много разного, – продолжал он задумчиво. – Плодовитый художник. А подожди-ка. – Он вдруг остановился. – Я, конечно, не знаток всяких там прерафаэлитов и Голсуорси. Но посмотри, как тебе? – Он сделал жест рукой, подзывая Аню. – Ты спрашивала, где Офелия? А вот она. К тому же чернокожая. Это уж точно самого, как его? – Россетти переплюнул. И это наша Королева, – объявил он. – Ее лицо. Он рисовал ее. И они были знакомы.

Аня быстро подошла.

– Точно. Это ремейк картины Россетти «Блаженная Беатриче», но вместо рыжеволосой Элизабет Сидалл, которая позировала английскому художнику, мы видим темнокожую мулатку с черными волосами. И это, конечно, Ника Королева, ты прав, – подтвердила она. – Очень любопытно.

– Доброе утро, господа, – послышался сзади негромкий голос. – Я могу чем-нибудь помочь? Вас что-то заинтересовало?

Аня повернулась. У рабочего стола стоял высокий, худой молодой человек лет тридцати пяти, одетый во все черное – черные джинсы, черная футболка, черную кожаную куртку. Лицо заостренное, гладкие светлые волосы зачесаны назад. На бледном лице – небольшие серые глаза, острый нос. Он почему-то напомнил Ане Малфоя из фильма о Гарри Потере, но скорее в той части, где герои уже становятся взрослыми.

– Вы хозяин салона? – спросила Аня, приблизившись. – Художник Алексей Точилин?

– Да, так и есть. – Молодой человек кивнул головой, подтверждая. – Чем могу помочь?

– Я частный детектив Анна Снегирева. Агентство «Гелла». – Аня показала раскрытое удостоверение. – Собираю информацию по поводу происшествия, которое случилось здесь в начале месяца.

– Вы имеете в виду смерть Ники? – Точилин несколько не удивился.

– Вы были с ней знакомы?

– Я полагаю, вы и сами догадались? – Он указал на картину. – Ника позировала мне в свободное время. Совершенно бесплатно. Ей было интересно.

– А вы не боитесь оставлять картины без присмотра? – Максим окинул взглядом студию. – Мало ли кто забредет?

– Будьте уверены, все очень хорошо контролируется. – Точилин усмехнулся. – Картины стоят недешево, весьма даже востребованы на рынке. Охотников на них много. Но система безопасности тщательно продумана. Камеры скрыты в стенах, просматривают помещение насквозь. Изображение выводится на пульт охраны дома и на мой домашний компьютер. При малейшем подозрении на опасность включается сразу несколько блокирующих устройств. Вынести картину невозможно. Сотрудники ЧОПа приедут очень быстро.

– Так, значит, вы живете в этом доме? – уточнила Аня задумчиво. – Полиция вас допрашивала?

– Нет, не допрашивала. – Точилин пожал плечами. – Я никуда не прятался. Просто до меня не дошло.

– Живете в этой восьмиэтажной части?

Точилин кивнул головой.

– Да, на шестом этаже. Прямо под Никой. Мы с ней часто в лифте встречались.

– В репортажах ничего не было сказано про вас, – заметила Аня. – Если бы полиция проявила к вам интерес, репортеры бы этого не упустили.

– Нет, меня не трогали, – повторил Точилин терпеливо. – Ни полиция, ни репортеры. Возможно, потому что я прописан по другому адресу. А салон был закрыт, когда Ника упала. Мы открываемся в одиннадцать. Видимо, сочли, что с меня толку мало.

– Я смотрю, вы увлекаетесь прерафаэлитами. – Аня снова подошла к картинам.

– Вы разбираетесь. – Тонкие губы художника растянулись в улыбке. – Я окончил Репинскую академию здесь, в Питере. Потом стажировался в Лондоне. Вы правы, Россетти – мой кумир. Я дневал и ночевал в галерее Тейт.

– Где вы находились, когда Королева упала? – Аня снова подошла к столу.

– Дома. – Точилин сел в кресло. – Но ничего не слышал – скажу сразу. Спал. Даже когда скорая примчалась с сиреной и полицейские машины подъехали. Здесь окна с тройным стеклопакетом – тишина мертвая.

– А как же ваша соседка, бывшая балерина Мариинского театра? Она утверждала, что слышала крики, – напомнила Аня. – Кстати, вы с ней знакомы? На каком этаже она живет?

– Вишневская? – Точилин поморщился. – На четвертом она живет. Вообще, большая истеричка. Вряд ли она что-то могла слышать, если находилась в квартире с закрытыми окнами. Другое дело – на балконе торчала. А зачем в такую рань? – Точилин как-то пренебрежительно махнул рукой. – Выдумывает. Ей кажется, что она слышала. А на самом деле – ничего.

Затем, немного помолчав, спросил:

– А вы не уверены, что Ника покончила жизнь самоубийством? Новое расследование будет?

– Пока я выясняю все обстоятельства, – ответила Аня сдержанно. – По поручению подруги Ники, Виолетты Барановской. Вы ее знаете?

– Вету? Конечно. Они несколько раз приходила ко мне вместе с Никой. Сама не позировала, не хотела. Но смотрела, как мы работаем.

– Она уверена, что Нику убили, – сообщила Аня, внимательно глядя на Точилина.

– Убили?! – Тот вскинул бровь. – Кто?!

– Вот это нам и предстоит узнать.

– У Ники не было врагов. – Точилин недоуменно пожал плечами. – Завистники, конечно, были. Особенно, завистницы. Рассказывала как-то, что платье ей перед выступлением разрезали ножницами. Но это там, у них, обычное дело. Как в балете. – Он усмехнулся. – Стекло в туфли подкладывают. Но чтоб убивать?

– Как давно вы были знакомы с Королевой? – спросила Аня.

– Да как сюда переехал. Два года. Ох, я не предложил вам сесть, простите. – Точилин встал со стула и указал рукой на диван. – Присаживайтесь. Я так понимаю, вопросов у вас еще много.

– Да, есть еще. – Аня улыбнулась.

– Если хотите, я сварю кофе.

– Нет, нет, благодарю.

– У вас были деловые отношения?

– Ну, как деловые. – Точилин сел напротив Ани. – Дел-то у нас совместных особо не было. Вот только позировать. Скорее дружеские. И я могу предугадать ваш следующий вопрос. – Художник едва заметно улыбнулся. – Нет, в любовной связи мы не состояли. Я бы и не против того, чтобы за ней поухаживать. Но она так близко не подпускала. Всегда была немного закрытой. К тому же я знал, что у нее есть этот Вадим. Нет, я не форсировал.

– С Красовским общались?

– Один раз. – Точилин поморщился. – Столкнулись на лестнице. Лифт не работал. Он поджидал Нику, прохаживался по галерее. Перекинулись парой слов.

– Ника что-то о нем рассказывала? – уточнила Аня. – Вообще, о чем говорили во время сеансов?

– Она много о детстве говорила. – Художник сдвинул брови над переносицей, вспоминая. – Я еще удивлялся. У нее такая насыщенная, интересная жизнь, а она все вспоминает какую-то речку, где они гуляли с собакой. Собака у нее была в детстве, лабрадор, – уточнил он. – Очень она его любила. Вот взяла такого же, когда здесь поселилась. Кстати, он у нее сбежал незадолго до того, как... – Точилин запнулся. – Как с Никой все случилось. Но что-то постоянно беспокоило ее в прошлом, видимо. Все время она возвращалась в разговорах к воспоминаниям. Говорила, что хотела бы найти родную мать, познакомиться с ней. Она же из детдома. Впрочем, я это понимаю. Я сам вырос с бабушкой. Родители погибли в аварии, когда мне было три года. Очень хотелось бы повстречать их живыми. Но это невозможно.

– А Ника не рассказывала, ей удалось что-то узнать о матери или о других настоящих родственниках? – спросила Аня настороженно.

– Она посылала запросы, – ответил Точилин. – Выяснилось, что мать ее жила там же, неподалеку. Вроде даже в Сестрорецке, где прошло детство Ники...

– В Сестрорецке? – удивилась Аня и взглянула на Максима. – Это очень любопытно.

– Работала в школе учительницей английского языка. Летом возила экскурсии по городу. Вот нагуляла Нику с каким-то туристом. – Точилин усмехнулся. – Вообще, родители у нее вроде на заводе работали, сама она институт Герцена окончила – английский для младших школьников. Но отец – алкоголик. Гены сработали. Сошлась с каким-то мужчиной. Тот тоже пьющим оказался. Ну и спойл ее. Лишили ее родительских прав. Нику в детдом отправили. Это то, что Нике удалось узнать.

– Мать жива еще?

– Нет. Как Ника рассказывала, умерла лет через пять, как Нику у нее забрали. Они и знать не знала, что Нику удочерили. Хоть в одном городке жили, но никогда не встречались. Да, мамаше и не до того было – она не просыхала. Ника на кладбище ездила. Нашла ее могилу. Цветы возила на день рождения. Я ей говорил, что тебе эта алкогольчикка? Она про тебя и не вспоминала. А она говорит, ты, Алекс, не понимаешь, она меня Алексом называла, – уточнил он. – Это же мать родная. Я так думаю, ей казалось, что, если бы она оставалась с матерью, им обоим жилось бы лучше. Но это она серьезно ошибалась, конечно, – заключил он. – Просто мечты у нее такие были, о прошлом. Я тоже, бывало, представлял себе, как родители меня из школы встречают, как мы с отцом смотрим футбол, например. Но у меня это все как-то раньше случилось, тоска эта, еще в школьные годы. А у нее вот сейчас. Когда повзрослела. К приемным родителям она холодно-относилась, – продолжал Точилин. – Не могла простить, что они ее любимую собаку не лечили, когда та заболела. Умом вроде понимала, что лечить было бесполезно – рак. Люди умирают, ничем помочь не могут, а тут – собака. Но они даже и не пытались. Мать прижимистая была, тратиться не хотела. Отец – слабый человек, сломленный неудачами. Да и с другими детьми в семье жилось ей не сладко, обижали ее. Я старался ее переубедить, что все это – мелочи. Главное, она была сыта, крыша над головой, своя постель, в школе училась, как все, на кружки ее водили. Пусть бесплатные. Вот в танцевальный кружок, например. С этого кружка вся ее карьера началась. Посмотри, говорю, как ты сейчас живешь. Ничего бы этого не случилось с твоей алкогольчиккой. Никаких танцев. Слонялась бы по улице. Кстати, Виолетта меня поддерживала. Она-то в детдоме до самого выпуска прожила. Натерпелась там. Да и после жизнь у нее невесело складывалась. Если бы не Ника, так бы и работала уборщицей. Чего хорошего-то? – Точилин усмехнулся. – Вета тоже полагала, что Ника выдумывает жизнь, какая у нее с родной матерью могла бы быть. Не поддерживала ее фантазии. Ника вроде как соглашалась. Но с Дерябиными, это ее приемные родители, как самостоятельная стала, не общалась больше. Не ездила к ним в гости, не звонила даже. Как отрезала. Они вроде к ней бегали, она к ним – нет.

– Ясно. – Аня кивнула. – А вот в последнее время не замечали ли, что у Королевой появились какие-нибудь странные знакомые? Какие отношения у нее были с Красовским в последние дни? Может быть, они ссорились? Или вообще, она с кем-то ссорилась? Ничего необычного не было?

– Что сказать? – Точилин пожал плечами. – Из необычного – вот, собака пропала. Надо было знать Нику – это для нее настоящая трагедия, догадываетесь, наверное? Она эту догситтершу, которая Гришу проморгала, просто в порошок готова была стереть. Хотя я ей сразу сказал, что девица странная, я бы ей собаку не доверял.

– Странная? – переспросила Аня. – В чем же это проявлялось?

– Ее по социальной программе вот из этого центра для инвалидов, что у нас по соседству, прислали. Ника, конечно, к ним не обращалась. Она обратилась в агентство с хорошими рекомендациями. Но, знаете, сейчас это везде – социальная ответственность бизнеса, надо помогать людям с ограниченными возможностями. В общем, уговорили ее попробовать, взять эту девицу. Как-то ее зовут? – Точилин нахмурился. – Странное имя такое. Верея, кажется. Мы подумали сначала, что Вера. Нет, она настаивала, что Верейя. Древнеславянское имя какое-то. Ну, что сказать? Аутистка и есть аутистка. Заторможенная, часами могла смотреть в одну точку. Остановится – и смотрит. Вот так она и смотрела, видно, в парке. А Гриша в это время убежал. А ей ничего не сделаешь, никакого взыскания, она – инвалид. Даже деньги пришлось полностью выплатить при увольнении. Ника очень возмущалась. Мол, я ей собаку доверила, она ее потеряла, а я еще и платить должна.

– Надо будет поинтересоваться этой Вереей. – Аня бросила взгляд на Максима. – Имя действительно необычное. Не имеет ли она отношение к каким-нибудь фанатичным поклонникам Ледяного змея?

– Это точно, – согласился Ващенко.

– Ледяного змея? – переспросил Точилин удивленно. – А какие у него поклонники? Это ведь название шоу, которое Красовский планировал поставить. Но теперь, вероятно, уже не будет. Какие ему сейчас шоу? – Художник пожал плечами. – Главная героиня погибла, а сам он, как говорят, в больничке с нервным срывом.

– Вы что-нибудь знали об этом шоу? – спросила Аня настороженно. – Ника что-то рассказывала?

– Она просила меня создать для нее эскиз костюма. И вообще поработать над декорациями, – ответил Точилин, откинувшись на спинку дивана. – Ей очень не нравилось то, что ей предлагали дизайнеры. Но вы сами понимаете... – Он указал рукой на стену с картинами. – Явно не моя епархия. Все это древнерусское меня совершенно не интересует. Я удивлялся, кому пришло в голову делать такое представление. Оказалось, идея Красовского. Но я его понимаю. – Точилин кивнул. – Он человек публичный, надо держаться в тренде. А сейчас это очень популярно: возвращение к корням, к истокам. Помешались все, – добавил он с явным неодобрением. – Нет, я не согласился.

– Скажите, за несколько дней до падения Королевой вы ничего странного не замечали? – спросила Аня. – Может быть, в доме появлялись какие-то незнакомые люди. Какие-то необычные обстоятельства насторожили? Связанное с Королевой, конечно, я имею в виду, – уточнила она – Но и вообще. Мало ли что связано, а что нет. Никогда не знаешь заранее.

– Знаете ли, дом большой. – Точилин пожал плечами. – Ничего такого особенного вроде не было. Но вот собака Ники пропала. Это все-таки было странно. Как догситтерша могла просмотреть? Да и то, что он не прибежал домой. Гуляли-то они здесь, недалеко. Особенно в нашем районе негде гулять. На большие прогулки Ника пса в загородный дом Красовского возила. По воскресеньям в основном. Там, в Репино, на залив с ним ходила, в лесу они гуляли. Здесь, вон до парка – по делам собачьим, да и все. Ника говорила, что, по словам догситтерши, он там за незнакомой собакой побежал. Откуда там незнакомые собаки? – Точилин

криво усмехнулся. – Это же самый центр очень большого города. Бродячие собаки сюда не заглядывают, что им здесь? Остальные, какие там гуляют, это мелкота в основном. Гриша ими не интересовался. Слишком маленькие для него. Как Ника рассказывала. А чтобы побежать сломя голову, нырнуть в какую-то подворотню, по словам догситтерши. И не найти дороги домой? Я не верю. Я сказал Нике, она, наверное, его вообще продала кому-нибудь. А денежки в карман положила, тварь такая! – Точилин впервые дал волю эмоциям, пристукнул ладонью по поручню кресла. – А что ей сделаешь? Она – инвалид, какой с нее спрос? А я уверен, что она только притворяется аутисткой, а на самом деле вполне себе нормальная.

– Это мы уточним, – заверила художника Аня. – А Виолетта не сообщала вам, что собака нашлась? Ее обнаружили волонтеры из приюта.

– Нашлась? – Удивление Точилина выглядело вполне искренним. – Правда? Нет, не знал. – Он пожал плечами. – Но мы с Ветой не на столь короткой ноге, как с Никой. Номерами телефонов не обменивались, она сюда после смерти Ники больше не приезжала. Так что вряд ли она бы стала меня информировать. И где же сейчас Гриша?

– Собака находится у Барановской, – сообщила Аня. – Но есть подозрение, что это не Гриша. Собаку подменили. Однако выяснится это позже. – Аня посмотрела на часы. – Правда, что-то Барановская долго не звонит, – заметила она вскользь Максиму. – Вряд ли ветеринар так занят, что не отвечает. Еще, если позволите, Алексей, хотела бы уточнить несколько деталей, – снова обратилась она к художнику. – Это касается внутреннего устройства дома. Первое – где въезд в паркинг? На плане дома как-то непонятно.

– Это дальше. Практически в конце улицы, – ответил Точилин. – Паркинг здесь один на три дома. Наш, соседний, и еще один, в глубине, по соседней улице. Как вы понимаете, дома старинные, особо здесь не покопашь, не новостройки. Вообще рухнут. Метро вон уже лет тридцать строят, а все никак открыть не могут. Самая проблемная станция в Питере. Если пройдете, увидите сами – шлагбаум будет, ну и спуск вниз.

– Из дома можно попасть в паркинг?

– Конечно. – Точилин кивнул. – Там для наших жильцов – отдельная стоянка, стеклянной стенкой отделена, чтобы с прочими не пришлось толкаться.

– Второй вопрос – как пройти к консьержу? Я посмотрела – везде наглухо закрытые ворота. Даже звонков нет.

– Если вам сейчас надо, то можно пройти через мою студию, – любезно предложил Точилин. – А вообще справа, между моим салоном и архитектурным бюро – большие стеклянные двери, без всяких надписей...

– Да, я помню, мы проходили, – кивнула Аня.

– Это вход во двор. Все подъезды во дворе. Ну, такой настоящий питерский колодец, – сообщил Точилин. – Поэтому все самые дорогие квартиры – это пятый этаж и выше, они светлее. А на первых этажах темновато. Еще один такой же вход с параллельной улицы. Больше нет. Подъездов всего три. Консьерж – в центральном. Впрочем, это не консьерж, это охранник, – разъяснил он. – Но все функции консьержа выполняет: принимает почту, выдает ключи, если ему оставишь, следит за уборщицами.

– Что ж, тогда у меня больше вопросов нет, пока, спасибо, – заключила Аня. – Если возможно, позвольте нам пройти во двор через вас.

– Конечно, я провожу. – Точилин встал и указал рукой на небольшую белую дверь, ведущую в подсобку. – Прошу сюда.

Они прошли по тускло освещенному коридору и оказались на улице.

– Вон та дверь. Прямо перед нами. С гималайской березой в кадке перед входом, – сообщил Точилин. – Это я посадил. Видел такие в Лондоне. У нее очень белая кора и зимой красиво блестит на солнце. Хотел еще параллельно вырастить мимозу, как в Пимлико. Но не при-

жила. Все-таки холодновато ей в Питере. Забрал домой. Растет у меня на балконе. Там с отоплением. Не замерзнет.

– Спасибо, дальше мы сами. Рада была познакомиться. – Она протянула Точилину руку, он слегка пожал ее пальцы.

– Взаимно. Вот моя визитная карточка, – предложил он. – Если будут еще вопросы, звоните.

– Я как раз хотела спросить телефон. – Аня улыбнулась. – Ну что, пойдём? – обратилась она к Максиму.

По выложенному светлой плиткой двору они миновали фонтанчик с подогретой водой, журчащий даже зимой, и два высоких фонаря, обильно украшенных чугунными кружевами.

– Как тебе этот художник? – спросила Аня Максима. – На первый взгляд он кажется искренним.

– Сразу видно, что тертый калач. Он соврет – не заметишь, – откликнулся Максим. – Но пока придраться не к чему. Время покажет.

– Пожалуй, ты прав.

Аня обернулась. Точилин все еще стоял на пороге подсобки и смотрел им вслед. Затем, махнув рукой, закрыл дверь.

– Прошу. – Максим открыл высокую стеклянную дверь. Они оказались в просторном холле, выложенном черно-белой плиткой в шахматном порядке. Застеленная светло-серым ковром лестница вела на небольшую площадку, к лифту, и дальше – на этажи. Пост охраны находился у самого входа. Мужчина средних лет в черной форме ЧОПа, с проседью на висках привстал, увидев их.

– Вы кто такие, как сюда попали? – спросил он строго. – Я вас не впускал.

– Частный детектив Анна Снегирева. – Аня предъявила документ. – А это мой помощник Максим Ващенко, – добавила она, указав взглядом на Максима. – Нас пропустил Алексей Точилин, жилец этого дома. Мы прошли через его салон.

– Ясно, – кивнул охранник. – И что вам нужно?

– Я расследую обстоятельства гибели актрисы Ники Королевой, – продолжила Аня невозмутимо. – Меня уполномочила ее подруга, Виолетта Барановская. Я бы хотела побеседовать с охранником, который дежурил на посту в ночь гибели Королевой. Не подскажете, кто это был и как с ним связаться?

– Это была моя смена, – ответил мужчина, чуть помедлив. – Правда, не моя, если по правде, я подменял товарища. Но точно я здесь был, когда... это... – Он запнулся. – Ну, когда она упала. Но я в полиции все рассказал, – тут же сообщил быстро.

– Не могли бы рассказать еще разок? – попросила Аня. – Я запишу на диктофон, если не возражаете. Виолетта сомневается в заключении, представленном полицией, что Королева совершила самоубийство. Подозревает, что ее убили.

– Убили?! – Охранник присел на стул. – Вот это поворот.

– Потапов Александр Иванович? – Аня прочла информацию на бейджике охранника. – Я не ошибаюсь?

– Да, это я, – ответил он явно нехотя. – Написано же. Ну, спрашивайте, – неохотно согласился он. – Если у вас есть документ, наверное, имеете право. – Он сложил газету, которую читал, и положил ее перед собой. С первой полосы смотрел премьер-министр Мишустин на фоне российского флага.

– Я, правда, сказал в полиции, что не только меня надо допрашивать, – продолжил Потапов через мгновение. – А того толстяка-водителя из проката элитных автомобилей, который ее на «бентли» возил. Она его частенько вызывала. Кондратюк, кажется, фамилия.

– Так, что за прокат? Как фирма называется? – уточнила Аня.

– Да так и называется «Карс фо рент», вот визитная карточка. – Потапов показал Ане, она сфотографировала. – Ника всегда звонила мне и просила. Потапыч, мол, тут меня многие так называют, вызови мне Дмитрия. Я вызывал.

– Хорошо, я обязательно его опрошу, – пообещала Аня. – Вернемся к вам. Какие у вас были отношения с Королевой? Часто ее видели?

– Ну как часто? Каждую смену, – Потапов пожал плечами. – Когда мимо поста проходила. Вежливая девушка была. Всегда «здрате» скажет. «Спасибо», «пожалуйста». Не то что эта Вишневская с четвертого этажа, та очень много из себя ставит. Балерина, видите ли. – Потапов усмехнулся. – Королева Англии отметила, как она танцует. Чуть ли не в пятидесятых или шестидесятых годах того еще века. Это уж когда было. Королева померла. А Вишневская все помнит. Да от других здесь тоже слова доброго не дождешься. – Он махнул рукой. – Потому я к Нике тепло относился. У нее автограф брал для племянницы моей – она ее в журналах смотрит, копирует. Как узнала, что я работаю в доме, где Королева живет, все время расспрашивала, в чем одета, как выглядит. Ника же потом, как мимо проходила, всякий раз племяннице привет передавала. Прямо по имени назовет, мол, как там Светочка? Душу грела, верите? Я в охране почти десять лет работаю, как в отставку вышел. Иные считают, что ты должен их от пуль заслонять, а сами имя твое запомнить не утруждаются. Хорошая была девушка, – заключил Потапов. – Без воображения. Но оно и неудивительно. Она же из детдома, неизбалованная.

– Можете еще разок подробно рассказать, что происходило в тот вечер, когда погибла Королева? – попросила Аня. – Я понимаю, что в полиции вы рассказывали. Но мне важно знать все подробности. Может быть, удастся за что-то зацепиться. Королева выходила из дома? В котором часу?

Поддержнув рукав черного джемпера, охранник задумчиво почесал руку выше запястья. Аня обратила внимание на татуированного ангела у него на запястье.

– В начале восьмого, что ли. Вышла она с Красовским, это патрон ее, он же и бой-френд, – уточнил Потапов. – Помню, приехал Красовский за ней где-то около семи. На своей машине с водителем. Слышал, что, когда он проходил в дверь, по телефону водителю говорил, чтобы тот на мойку отправлялся. Поднялся в квартиру к Королевой. Я еще обратил внимание, у него какая-то дурацкая маска на груди болталась – волка, что ли? Но точно не скажу. Меня он в упор не видел никогда, потому и не поздоровался. Вот они полчаса там у нее побыли, потом Ника звонит, мол, Потапыч, вызови Дмитрия. Я вызвал. Дмитрий быстро прибыл. Они вышли, а навстречу им – Вишневская. На такси подъехала. Нос к носу в дверях столкнулись. Привязалась к ним, мол, морозы, обещали, неделю продержатся. Ей-то чего бояться? – Потапов усмехнулся. – Она – вся в норке с головы до пят. Шапка трехэтажная на голове. Ей зачем шапка, если она на такси ездит? – Он пожал плечами. – Для форсу. В ушах серьги с брюликами до плеч болтаются, что две люстры. И на каблучицах. Не смотри, что старушенция. В общем, Ника была недовольна, что Вишневская к ним привязалась. Я видел, какое у нее лицо.

– И какое же? – поинтересовался Максим.

– Кислое, – без запинки уточнил охранник. – Одним словом, отвязались они от Вишневской, прошли по двору. Я видел на мониторе, как они к Дмитрию в машину садились. А Вишневская еще тут потопталась у стойки, кому-то по телефону все про свою «Жизель» растолковывала. Как там ноги надо поднимать правильно. Потом взяла почту, села в лифт и к себе поехала.

– После этого кто-то входил, выходил? – уточнила Аня.

– Входили, конечно. И выходили. Как без этого. – Потапов покачал головой. – Точилин с шестого этажа из своего салона домой прошел. Это уже где-то в половине девятого было. У него в тот вечер гости намечались. Так ему из ресторана напротив заказ доставили – закуски и прочее.

– Что за гости? – поинтересовалась Аня.

– Какие-то иностранцы. Муж с женой. Приехали около девяти, поднялись к нему в квартиру, ушли почти в полночь. Его самого я не видел больше. Он до утра не выходил. Даже когда Ника упала, его не видно было. Многие выбежали на шум. Он – нет. Спал, наверное, крепко после выпивки. Только утром узнал о происшествии. А больше никто не входил и не выходил. Точно.

– Во сколько вернулись Красовский с Королевой?

– Красовский сюда не вернулся. Ника одна приехала, – ответил охранник. – Где-то это в половине второго было. Слышу, шум какой-то у ворот. Это фотографии за ней от ночного клуба увязались. Имя ее выкрикивали. Ника снаружи позвонила, я кнопку нажал – открыл.

– Она не набирала код входной двери? – уточнил Максим.

– Ей не до того было. Они там ее осаждали, хотела побыстрее скрыться. Орала, наседали, чтобы позировала. Надоели они ей очень.

– А разве водитель не мог ее в подземный гараж доставить?

– Конечно, мог, – подтвердил охранник. – У Дмитрия даже пульт от гаража имеется. Но в том-то и дело, что не Дмитрий ее привез, – сообщил Потапов, понизив голос. – На такси она приехала. Видимо, с Красовским опять поцапалась, и чтоб ему потруднее было ее найти, в такси села. Я заметил, спросил себя еще, а куда-то Дмитрий с «бентли» подевался? Но ей завать этот вопрос не стал – меня-то не касается. Мое дело: смену отстоял – и готов.

– Ника что-то говорила, когда вошла?

– Ругалась на фотографов. Я вижу, у нее снежинки на волосах, спросил, что, мол, снег повалил? Видно было, холодно ей, пальтишко-то осеннее. Она, да, на улице минус.

– Какое у нее настроение было?

– Да паршивое. Заведенная была, это в глаза бросалось, – сообщил Потапов и отпил холодного чая из кружки, которая стояла на столе. У нее частенько после встреч с Красовским настроение было плохое. Они часто ссорились. Даже и не скрывали. Подробностей, правда, не знаю, – тут же добавил он. – Не вникал.

– Ну и как ваш разговор закончился?

– А как? – Потапов хмыкнул. – Да никак. Она в лифт зашла и к себе поехала.

– Можете ли сказать, что, она так серьезно расстроена была чем-то, что жить расхотела? – постаралась установить Аня.

– Ну, нет! Это уж фигурки. – Потапов даже возмутился. – Любили они с Красовским поорать друг на друга, но чтоб с балкона – прыгать?! Ни в коем случае. Это ж у них вроде разминки – в друг друга стрелы запускать. Характеры-то – не сахар.

– Ясно. – Аня кивнула. – А что потом было?

– А потом что было? – спросил Максим и оперся локтем на стойку.

– А потом ничего особенного. Я вздремнул даже. Никто не беспокоил. Все тихо. Я поужинал. Бутерброд с консервированной рыбой съел и чай. Но рыба эта, видать, не очень хорошая была. Жена все – экономия ее, – произнес он с досадой. – Мол, съешь да съешь. Лишь бы не выбрасывать. На работе что делать-то еще ночью? Она думает, я здесь прохлаждаюсь. В общем, отлучился я. – Потапов смущенно потупился. – Под утро. По нужде. В сортир. У нас здесь, на первом этаже, служебный. И умывальник там же. Ну, вышло так. – Он виновато поморщился. – Просидел я из-за Ирки, это жена моя, – пояснил он, – на толчке минут пятнадцать. А куда денешься? Несло – так несло, живот крутило. Вдруг слышу вопли – Вишневская орет, я по голосу узнал. Нет, вру, – поправился он и сосредоточенно сдвинул брови над переносицей. – Сперва я стук услышал. Ну, такой, отдаленный, не на лестнице и не в лифте. Мне тогда невдомек было, что это тело грохнулось, то есть Ника упала, – пояснил он. – А потом уж сверху начали вопить, по лестнице затопали. Натянул я штаны, выскочил в вестибюль, а там – Вишневская, в атласном халате вышитом, волосы седые – в разные стороны, всклокочены.

Трясется, мечется. Схватила меня за руку. Ника, говорит, погибла, ее какой-то мужик с веревкой с балкона выбросил.

– И что вы? – спросил Максим напряженно.

– Я свою работу знаю. Все по инструкции на случай форс-мажора, – почти отрапортовал Потапов. – Диана Валерьевна, говорю, оставайтесь на месте. А сам – за дверь, через двор пробежал и – на улицу. Там я тело Ники и увидел. Лежало на тротуаре, лицом в снег.

Потапов сделал паузу, помолчал. Потом взял кружку с чаем и отпил большой глоток.

– Вот так все было, – заключил он. – Ну, как я говорил, я человек военный. Служил в горячих точках. Всякое бывало. Сразу отметил, что, скорее всего, она мертва. Сами понимаете: половина черепа проломлена. На снегу кровь. Шея сломана. Из головы... это... да. – Он вздохнул. – Я даже запах почувствовал. Сладковатый такой. Человеческих мозгов. Еще юнцом был, в Чечне товарищу рядом со мной осколком полголовы снесло. Такое не забывается. Ни с чем этот запах не спутаешь потом.

– И что сделал? – спросил Максим.

– Побежал обратно, – продолжил Потапов. – Смотрю, Сонара, это филиппинка, она постоянно у Вишневской живет, все там для нее делает, продукты заказывает, тоже сбежала вниз, и хозяйку наверх тащит, успокоить пытается, а та кричит, кричит от ужаса. Мол, мужчина, мужчина там, с веревкой! С какой веревкой?! Я их попросил вызвать полицию и с лифта глаза не спускать – вдруг злодей надумает спуститься? А сам схватил в подсобке ключ-вездеход – и бегом наверх. На лестнице – никого. Отпираю дверь в квартиру Ники, – рассказывал Потапов взволнованно.

– Ты для самообороны ничего не взял? – уточнил Максим. – Ты ведь подозревал, что там кто-то есть? Возможно, преступник, только что убивший женщину.

Повисла долгая пауза.

– Знаешь, – произнес затем Потапов немного протяжно. – Задним умом я и сам про это подумал. Мол, куда поскакал с голыми руками. Мог нарваться. Но тогда у меня и мысли такой не было. Думал, скручу его – и дело с концом.

– Скрутите кого? – удивилась Аня. – Вы кого-то подозревали?

– Конечно. Красовского, – нехотя произнес Потапов. – А кого же еще? Я думал, там Красовский.

– С чего? Ты же не видел, как он проходил? – уточнил Максим.

– Я думал, что он вошел, пока я в сортире сидел. Код он знает. Ему я не нужен. Ну, думаю, поднялся наверх, Ника его впустила. Накануне они скандалили, я сам слышал. Он злой был, как черт. Ника сама не своя вечером приехала. Значит, опять скандалили. Вот я и подумал. Не наорался, видать. Решил сюда прийти и здесь продолжить. А с горяча-то не рассчитал да и столкнул ее с балкона. Я и в мыслях не держал, что он мог это умышленно сделать.

– И что?

– Зашел в квартиру – там пусто. Все комнаты обошел. Все вроде на местах, беспорядка особенного нет. В шкафы заглянул – никого. В гостиной балконная дверь нараспашку. А на улице подморозило. Я закрывать не стал, ничего не трогал – правила мне известны, – объяснил он. – Вышел из квартиры, кнопку лифта нажал. Двери тут же открылись – лифт по-прежнему на восьмом этаже стоял. Вишневская от ужаса про лифт забыла и по лестнице вниз бежала. А филиппинка – за ней следом. В кабине – никого. Я тоже опрометью вниз по лестнице побежал. Думаю, здесь уже толку мало. Когда четвертый этаж пробежал, смотрю, дверь у Вишневской нараспашку, они с помощницей уже дома. Вишневская стонет и ревет, Сонара ее уговаривает... Вызвали они полицию, не вызвали, я спрашивать не стал. Сбежал вниз, схватил со стойки свой мобильник, побежал с ним к Нике – чтобы она на улице без присмотра не лежала. Хотел в полицию уже с улицы звонить и машины встретить. Но не успел 112 набрать, слышу – сирена. Быстро приехали.

– Значит, их все-таки вызвали? – уточнила Аня. – Вишневская вызвала?

– Да, – подтвердил Потапов. – Приехали вначале двое, на патрульной машине.

– Понятно, – кивнул Максим. – А скажи, а ты почему поверил, когда Вишневская сказала, что слышала наверху мужчину?

– Ну как? – Слегка задумавшись, Потапов опять нахмурился. – Во-первых, а какие варианты? То, что Ника сама прыгнула, я никак в голову не брал. С чего это ей? Она не алкоголичка, не сумасшедшая. Под кайфом я ее не видел.

– Но балерина в тот момент ведь не сообщила тебе никаких подробностей? – настаивал Максим. – Верно? Например, а что она делала так поздно, чем занималась? Почему не спала?

– Нет, не сообщила, – согласился Потапов. – Она в подробности не вдавалась. Но перепугана была очень. В истерике билась. Все время твердила: «Там мужчина, там мужчина с веревкой, а вдруг он ко мне придет?» Но там никого не было, детьми клянусь. – Он пристукнул ладонью по столу. – В квартире было пусто, в лифте пусто, на лестнице пусто. Если кто-то в дом проник, куда он подевался?

– А сколько квартир на этаже? – уточнила Аня.

– Только одна, – ответил Потапов. – Знаете ли, люди платят большие деньги не за то, чтобы иметь соседей.

– Значит, в этой части только восемь жильцов. Ника Королева, Вишневская, Алексей Точилин. Еще кто? Мы вот битый час стоим, а никто мимо нас и не проходит, – добавила она с удивлением.

– Да больше и нет жильцов, – признался Потапов. – Теперь вот только двое и остались – Точилин и Вишневская. Остальные квартиры в собственности, но их не постоянно занимают. На зиму владельцы вообще уезжают из Питера. Например, вот с седьмого и пятого – они в Испанию уезжают. Их нет. На третьем помер недавно владелец, известный был дирижер. Так там за наследство идет грызня. На втором, это самая дешевая, раньше жила супружеская пара, он – финансист, она – преподаватель. Салтыковы. Но они дом за городом купили, туда переехали. Эту квартиру дочке берегут, как подрастет, она у них в восьмом классе.

– То есть и на момент смерти Королевой в доме в наличии, так сказать, были только два жильца, кроме нее – Точилин и Вишневская? – Максим постарался внести полную ясность. – Так?

– Да, – кивнул Потапов, соглашаясь. – Салтыковы не приезжали на той неделе. Они раз в месяц приезжают квартиру проверять. А так больше и некому.

– Ясно, – заключил Максим и бросил быстрый взгляд на Аню. – Итак, прибыли полицейские. Что было дальше? – спросил он, возвращаясь к событиям.

– Ну, тут опять Вишневская исполнила болеро, или как там у них называется, – усмехнулся Потапов. – Как увидела из окна патрульную машину, сбежала вниз в своем атластном халате. Сонара – опять за ней. На лифте ездить я им запретил. Выскочила на улицу, прямо на снег, и давай вопить, что в доме прячется убийца. Тут уж в доме напротив свет стал загораться. В окнах лица замаячили. В других домах – тоже. Половина улицы проснулась. Жильцы высыпали на тротуар. Один полицейский остался возле трупа, а другой вместе с нами, – со мной и Вишневской, да и служанкой ее, – вошел в вестибюль. Приказал Вишневской сидеть у себя в квартире и ждать. А мне велел показать ему все здание. Ну, я повел. – Потапов снова отхлебнул чая. – Начали мы с верхнего этажа. Отпираю дверь Ники, показываю ему квартиру, открытую балконную дверь. Он все проверил. Показал я ему лифт. Лифт все еще на той площадке стоял. Потом мы вниз пошли. Он спросил про квартиру ниже, я вездеходом открыл. Там темно. Сработала сигнализация. Не успел я свет включить, а полицейский вошел в комнату и налетел на столик. Сшиб огромную вазу с букетом роз...

– С букетом роз? – переспросила Аня. – На седьмом этаже? Вы же сказали, что там владельцев нет, они в Испанию на зиму уехали. Розы откуда?

– Ну, знаете, племянник их, студент Вышки, здесь, недалеко. – Потапов показал в сторону улицы. – Знает, что тети с дядей нет, вот приводит иногда девушек, тайком, конечно. Свидания устраивает. Мы со сменщиком разрешаем ему, знаем его. Владельцы не говорили, чтобы его туда не пускать. Он им родственник, сами представляли. У него свой ключ есть. Они ему дали. Я ему не открываю. Может, они и в курсе, мое какое дело? Я не спрашиваю. У него ключ есть – я что? Не хотите, чтобы ходил, отберите ключ. Так он уже не первую зиму, – продолжал Потапов. – Они мне претензий не предъявляли, хотя в первый год я очень переживал, что нагорит. Парень он денежный. Они ему на жизнь подкидывают. Ясное дело – молодость. Вот наметил встречу с девушкой. Или уже приводил ее сюда. Не знаю, не моя смена была. Не видел.

– Короче, полицейский вазу с розами свернул? – Максим опять постарался вернуться к событиям той ночи.

– Да. Всюду осколки, вода, цветы. Когда следователь приехал, Зайцев этот, нагорело ему. Кричал, мол, нельзя ли поосторожнее. Обыскали мы всю квартиру на седьмом этаже – тоже никого. Все четыре комнаты, все шкафы в них – нет. Окна заперты. Вернулись в вестибюль. Там уже Зайцев подъехал с командой. Затребовали ключи от подвала, где тренажерный зал, от бассейна, от гаража. Я все дал. Зайцев поднялся на четвертый этаж брать показания у Вишневецкой. Эксперты подоспели. Над трупом палатку поставили. Так как народу уже собралось – со всего квартала сбежались. По мобильным болтали, фотографировали. Лезли, куда не просят, лента их не останавливала. Пришлось полицейским ограждение из машин поставить. Так легче стало контролировать. Пресса тут как тут – это уж всегда. Снег еще был сильный, – вспомнил Потапов и вздохнул грустно. – Жалко Нику.

– С этим понятно, – заключила Аня. – Теперь дальше. Сколько персонала работает в доме?

– Охранников – трое, – ответил Потапов. – Я, Мишка Гузов, я как раз его подменял, Слава Чирков еще. Работа у нас посменная, на посту круглые сутки кто-то есть. Я в ту ночь вообще должен был дома спать. – Потапов недовольно поморщился. – Но Мишка позвонил: мол, подмени, заболел. Это было накануне, около шестнадцати. Прямо сюда, на пост, позвонил. Ладно, говорю, отдежурю за тебя. Он меня в том месяце подменял, когда мне по семейным делам требовался выходной. То есть за мной должок был. Вот так я и попал в эту историю, – заключил Потапов и немного помолчал, размышляя.

– Другие охранники тоже были в хороших отношениях с Никой? – спросил Максим.

– Ну да. Они и сами скажут. Она была хорошая девушка.

– А из obsługi кто был в доме в тот день? Уборщицы, например? – продолжала спрашивать Аня.

– Уборщиц здесь двое. Тоже филиппинки, – сообщил Потапов – Но, в отличие от Сонары, они по-нашему не говорят, понимают – да, но не все. От них ничего не добьешься.

– Это понятно. Теперь давайте еще немного вернемся на день раньше, – предложила Аня. – Вы в каком часу заступили на пост?

– В девять, как полагается. Сменил Славку Чиркова, – ответил Потапов без запинки.

– У вас есть журнал учета посетителей?

– Ну да. – Потапов кивнул. – Записываем всех, кроме жильцов. Журнал на стойке лежит. Полиция его смотрела.

– Не помните, кто накануне приходил?

Потапов заколебался.

– Рано утром мать ее приезжала, Анастасия Дерябина, такая скандальная баба.

– Приемная мать? – уточнила Аня.

– Я не знаю какая. – Потапов пожал плечами. – Приемная или нет, мое какое дело? Другая, правда, здесь не появлялась никогда. Только эта. Дерябина.

– И что?

– Да ничего особенного. – Потапов пожал плечами. – Дерябина эта – баба склочная. Как приедет, они обязательно поцапаются. Ника несколько раз просила ее не пускать.

– На этот раз пустила?

– Да, разрешила впустить, – подтвердил Потапов. – Но она недолго задержалась. Минут через пятнадцать пулей вылетела из лифта и всякие нехорошие слова под нос бормотала. Ругала Нику.

– А другие посетители были?

– Ну, к Вишневской из театра приезжали. Две ученицы ее. Амала, это уборщица, она уже в доме находилась. Она всегда к семи утра приходит. Лестницу драила, когда я на пост заступил. А потом приходил техник из управляющей компании, сигнализацию проверял. Этот в десять явился. Они с десяти работают.

– Техник постоянный? Знакомый был?

– Нет, кстати, новенький, – вспомнил Потапов. – Я еще удивился. Мальчишка совсем. Все жильцы еще были дома. Так что я провел его на третий этаж, показал, где панель управления, и он взялся за дело. Я как раз ему показывал, где щиток, где тревожные кнопки, а тут как раз Ника выходит. Слышу, дверь у нее хлопнула. Я вниз быстро спустился. Она мимо меня прошла, расстроенная явно. Но после встречи с матерью у нее частенько дурное настроение. Вроде торопилась. Куда поехала, не знаю. Но думаю, с мамашей ее связано. Вот, потом. – Потапов задумался, вспоминая. – Потом художник ушел в салон. Я впустил техника в его квартиру, чтобы он и там систему проверил. Вообще, я ему был дальше не нужен. Расположение щитков и тревожных кнопок во всех квартирах одинаковое. За художником Вишневская унеслась на репетицию. Да, так и было. Все ушли, одним словом. Ближе к полудню никого не было.

– А когда техник закончил работу?

– Это около часа было, – вспомнил Потапов. – Нам в это время управляющая компания ланч на пост доставляет. Вот как раз принесли бутерброды и чай. И техник спустился. Все, говорит, закончил. ухажу, спасибо.

– Ты уверен, что он ушел из здания? – уточнил Максим.

– Еще бы! На сто процентов, – уверенно ответил Потапов. – У нас с этим строго. И даже время записал, когда он ушел. Тринадцать пятнадцать.

– Кто еще приходил?

– Покупки из магазинов доставляли – это все Вишневской. Точилину ланч из ресторана привезли, он в полвторого пришел. Для Ники тоже пакеты привозили. Одежда, помню. Сумки.

– Посыльные все сами заносили? Ты помогал кому-нибудь? – настойчиво спрашивал Максим. – С поста отлучался?

– Ну, Азатик позвонил, это так племянника зовут, с седьмого этажа, – уточнил Потапов. – У него папа – армянин. Вот попросил с букетом роз помочь, который потом как раз полицейский своротил. Парень из цветочного супермаркета еле в дверь с ними протиснулся. Уж не знаю, что там у Азатика за цаца, которой он такой букет отгрохал. Свидание-то из-за падения Ники так и не состоялось. Пришлось им в отель ехать. Во-о-о-от в такой огромной вазе привезли. – Потапов развел руки, изображая размер вазы. Мы эту вазу вдвоем в лифт затащили. А затем на столик в прихожей взгромоздили. Азатик, к слову, как узнал, что вазу разгрохали, разъярился. Сюда прибежал, как полицейские уехали. Орал. Я ему говорю, здесь не до тебя, здесь женщина из окна упала. А он не слушает. Мол, паркет поцарапали, тетя за паркет придушит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.